

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 23

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 11-го іюня 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга **33.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 Г. Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ

6 р. 50 к.

Безъ достав-
ки въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскіи линіи.

7 р. 25 к.

Безъ достав-
ки въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Ришельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи

8 р. За
гра-
ницу. **12 р.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1/2 года съ доставкою въ СПБ. **4 р.**, съ перес. во всѣ мѣста Россіи **4 р.**; на 1/4 года съ доставкою въ СПБ. **2 р.**, съ перес. иногороднымъ **2 р.**

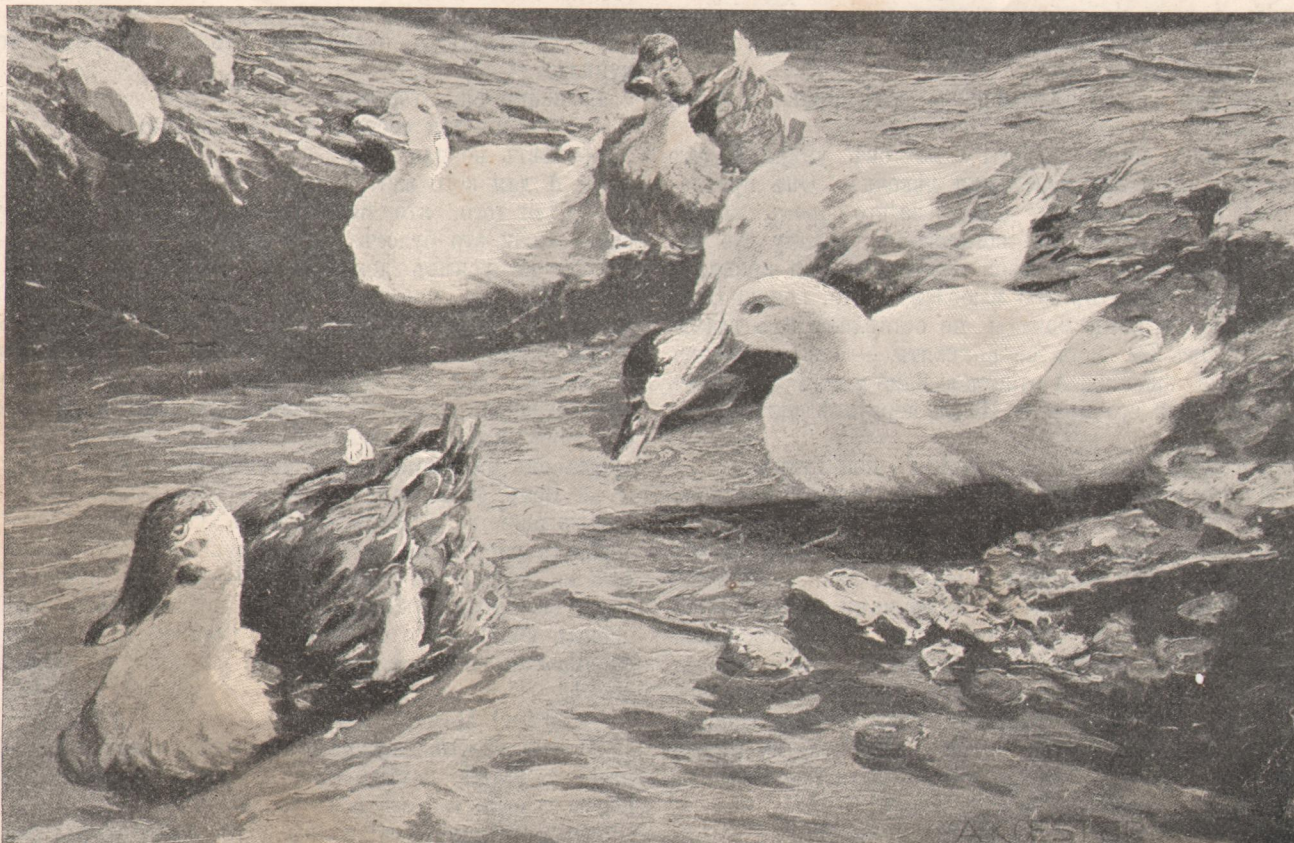
Волченокъ.

Повѣсть
П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

Ровно въ полдень, синьора Беатриче появилась въ мастерской Андрея Ивановича съ грудой дымящихся макаронъ. Приготовлены онѣ были по-итальянски — то

есть недоварены, и вязли на зубахъ. Но Андрей Ивановичъ привыкъ къ этому вязкому и безвкусному блюду еще въ свой первый пріѣздъ и потому принялся за

Утки. Картина А. Кестеръ, авт. «Нивы».

нихъ съ аппетитомъ, предложивъ хозяйкѣ стаканъ кіанти.

— Ахъ, я совѣмъ не пью, синьоръ Андреа,—грустно сказала она, садясь противъ него.—Это было любимое вино моего мужа, и оно наводитъ на меня всегда грустныя мысли.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ глазъ ея выкатилась слеза, но, впрочемъ, тотчасъ же и подсохла, не успѣвши перейти на платокъ. Вино не только не способствовало ея грусти, но, напротивъ, придало лицу ея самое радостное выраженіе.

— Если-бъ вы знали, какъ я счастлива, синьоръ Андреа,—говорила она:—какъ я счастлива своими дочерьюми. Инесса, хотя ей было всего десять лѣтъ, поддерживала меня въ моемъ горѣ, и дала средства къ существованію. Она удивительно умна. Это феноменъ среди дѣтей. Когда я похоронила мужа, мое горе не знало предѣловъ. Я лежала на плитахъ этого двора и билась въ истерикѣ. И вдругъ, ко мнѣ подходит Инесса и говоритъ: «мама, о чемъ ты такъ печалишься? Неужели ты думаешь, я не поддержу тебя?» Понимаете, это говоритъ десятилѣтній ребенокъ, крошка!

— Удивительно!—подтвердилъ Андрей Ивановичъ, и допилъ ей отпитый стаканъ. Она сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ его маневра.

— Я говорю: Ангель мой, тебѣ ли, крошкѣ, поддерживать меня? А она отвѣчаетъ: «Развѣ ты не знаешь, что Алессіо Барбьери пишетъ Воскресенье Христова, и хочетъ окружить гробъ ангелами? Онъ никакъ не можетъ найти ангела, и говорилъ, что готовъ заплатить двѣ лиры въ часъ, если ему удастся найти подходящую голову,—вотъ въ родѣ какъ у Инессы, что живетъ напротивъ. Это онъ сказалъ, мама, и ты увидишь, у насъ будутъ деньги». Я, конечно, тотчасъ побѣжала къ Барбьери, начала плакать и говорить, какъ я несчастна. Онъ вошелъ въ мое положеніе и предложилъ Инессѣ три лиры въ часъ. И сейчасъ же распространился по Риму слухъ, что у Барбьери позируетъ идеальный ребенокъ. Дженовезе изъ Болоньи предложилъ четыре лиры. Шмидтъ изъ Вѣны—пять. А лордъ Стивенсъ, богачъ-любитель, давалъ по двадцати пяти лиръ за сеансъ, рисоваль очень плохо, но изобразилъ ее амуромъ съ розой, пронзенной стрѣлою.

— Это что же за аллегорія?—освѣдомился Андрей Ивановичъ.

— Не могу вамъ сказать, но онъ увѣрялъ, что сердце его пронзила маленькая дѣвочка. Онъ предлагалъ мнѣ ее усыновить, и давалъ за это сорокъ тысячъ лиръ, но я, конечно, не согласилась, потому что никогда не разстанусь съ моею очаровательной крошкой. Онъ былъ страстно въ нее влюбленъ. Но, конечно, на всѣхъ сеансахъ я ни минуты не оставляла ихъ глаза-на-глазъ. Онъ бы могъ ее похитить, — отъ англичанъ всего можно ожидать... А отличное вино у васъ, синьоръ Андреа. Вы гдѣ его брали? Не въ переулкѣ нагъво, гдѣ аптека?

Андрей Ивановичъ пододвинулъ къ ней бутылку.

— Ну, и долго такъ позировала Инесса?—спросилъ онъ.

— До четырнадцати лѣтъ. Когда ей минуло четырнадцать лѣтъ, я ей сказала: душа моя, теперь тебѣ неприлично позировать передъ мужчинами неодѣтой. У тебя есть маленькое приданое, скопленное собственнымъ трудомъ. Увеличивай его, но не смѣй передъ мужчинами обнажать даже плечи. Впрочемъ, мѣсяца два назадъ она позировала въ видѣ Психеи передъ баварской художницей Грюнвальдъ. Ея полотно произвело фуроръ. Инессѣ предлагаютъ двѣсти франковъ за сеансъ, но я не позволю и за тысячу.

Она вылила изъ бутылки послѣднія капли.

— Но если вы, мой жилецъ, захотите писать Инессу,—конечно, въ костюмѣ,—то за десять лиръ въ часъ

она къ вашимъ услугамъ. Она очаровательно позируетъ—какъ мраморная.

— Очень пріятно,—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Я завтра же попрошу ко мнѣ m-lle Инессу.

— А какой сюжетъ у васъ?—спросила она.

— У меня много сюжетовъ. Вотъ мнѣ нужно написать мученицу Варвару.

— Ахъ, она удивительна для мученицы! Когда она поднимаетъ глаза кверху, у нея по лицу разливается что-то неземное. Въ бѣломъ длинномъ платьѣ, съ лилей въ рукахъ, — это будетъ прелестно! Другой такой Варвары вы не найдете во всемъ Римѣ. О Неаполѣ я не говорю. Вообще вы посмотрите на ея профиль. Знаете, почему онъ такой? Потому что ея отецъ изъ Генуи. А вы знаете, генуэзцы — это самые красивые люди въ Италіи. Мы въ Генуѣ жили на горѣ, и отъ насъ сверху была видна вся гавань, и этотъ бѣлый маякъ и голубое безбрежное море. Въ Генуѣ, въ Кампо-Санто, похоронена моя бѣдная мать. Оттуда мы переселились сюда, такъ какъ мужъ получилъ здѣсь мѣсто...

— Мама!—раздался окликъ Джульетты:—у тебя молоко уходитъ, надо его отодвинуть...

Синьора вскочила.

— Экая дрянь, не можетъ сама!—воскликнула она.— Благодарю васъ, синьоръ Андреа! Завтра Инесса у васъ съ утра.

Она ринулась изъ студии, и вскорѣ раздался со двора ея звонкій голосъ:

— Этотъ чертеночекъ сведетъ меня съ ума! Я убью его!..

А въ отвѣтъ слышался серебряный хохотъ Джульетты.

XIX.

Послѣ завтрака Андрей Ивановичъ, бродя безцѣльно по улицамъ, попалъ въ какую-то лавчонку, куда сильно, уцѣпившись за фалды, втащилъ его приказчикъ. Чтобы отвязаться отъ него, онъ купилъ нитку яркихъ коралловъ. Купилъ онъ ихъ безо всякой цѣли, опустилъ въ карманъ плаща, и только придя домой и увидя опять въ окнѣ круглую, какъ кочанъ капусты, головку Джульетты, вспомнилъ о покункѣ. Она что-то жевала и крошки бросала голубямъ, вертѣвшимся на каменной мостовой дворика.

— Джульетта! — окликнулъ онъ. — Смотрите, что я купилъ.

Глазки ея загорѣлись.

— Это вы для сестры?—спросила она.

— Нѣтъ не для нея.

— А для кого же?

— Для того, кто первый взойдетъ въ мою мастерскую. Если это будетъ ваша мама...

Онъ не успѣлъ договорить. Головка скрылась изъ окна. Въ два прыжка былъ совершенъ перелетъ по двору, застучали башмаки по лѣстницѣ, распахнулась дверь студии, и красное, возбужденное лицо дѣвочки съ торчавшими во всѣ стороны вихрами и двумя рядами сверкающихъ острыхъ зубовъ появилось возлѣ самого его лица. Ея руки легли къ нему на плечи, и она, вся дрожа отъ ожиданія, могла только сказать:

— Вотъ, я первая.

Онъ еще не успѣлъ положить коралловъ, онъ ихъ держалъ растопыря въ обѣихъ рукахъ. Онъ набросилъ ихъ на Джульетту, она ловко нырнула въ нихъ, охватила его шею руками, крѣпко поцѣловала, опершись своимъ колѣномъ о его колѣни, потомъ отпрыгнула, выскочила за дверь, и тотчасъ же раздался ея голосъ на дворѣ:

— Мама! Мама! Посмотри!

Потомъ голосъ зазвучалъ въ домѣ внизу, потомъ во второмъ этажѣ, потомъ на улицѣ. Послышались еще какіе-то голоса, потомъ все смолкло.

Андрей Ивановичъ по природѣ былъ скупъ; но ему было не жалко нѣсколькихъ рублей, брошенныхъ на эту нитку. Онъ зналъ, что этимъ онъ сразу становится въ

пріятельскія отношенія съ семействомъ хозяйки. Онъ ясно не сознавалъ, зачѣмъ ему это надо, такъ какъ никакими демоническими намѣреніями не задавался, да и вообще умѣлъ держать себя въ рукахъ. Ему рисовалась очень привлекательной мысль привести въ Петербургъ хорошенькую натурщицу-итальянку, которая осталась бы у него завѣдывать хозяйствомъ, но специально добиваться этой цѣли онъ не хотѣлъ. Какъ обстоятельства сложатся, такъ и будетъ. Теперь онъ подкупили младшую сестру, а старшую придется осторожно обходить со всѣхъ сторонъ, чтобъ она сама пожелала съ нимъ ѣхать. Ему даже рисовалась картина такъ: обѣ— и мать и Инесса—будутъ умолять его, знаменитаго профессора, чтобъ онъ взялъ въ далекій, богатый городъ дѣвушку, гдѣ она можетъ составить блестящую карьеру. Но чтобы самъ онъ сдѣлалъ хотя бы шагъ навстрѣчу,— этого никогда нельзя было допустить.

Нитка коралловъ скоро подѣйствовала. Беатриче явилась немедленно въ студию, ведя за юбку Джульетту.

— Синьйоръ, это ваше ожерелье?—спросила строго она.

— Было моимъ, а теперь Джульетты,—отвѣтилъ онъ.

— Вы подарили это ребенку?

— Да. Отчего же мнѣ не подарить? Она мнѣ сказала, что никогда не моетъ шею; я подарилъ ей съ условіемъ, чтобы она ежедневно ее мыла.

— Я буду мыться, мама! Буду!—подтвердила дѣвочка.

— Но это слишкомъ дорогая вещь, синьйоръ,—стояла на своемъ Беатриче.

— Не для меня, — шутливо похвастался онъ. — Я слишкомъ человѣкъ обезпеченный, чтобы стоило говорить о такихъ пустякахъ. А ребенку это пріятно.

— За это ты должна, Джульетта, — сказала мать: — позировать передъ синьйоромъ въ течение недѣли бесплатно. Нѣтъ, синьйоръ, нѣтъ, не возражайте. Благодарность—лучшее украшеніе для женщины. Вы дарите ей драгоценность, она даритъ вамъ свое время. Однимъ словомъ, я такъ хочу.

Слухъ о щедрости Андрея Ивановича разнесся по всему дому, какъ электрическій токъ. Когда онъ вечеромъ выходилъ на улицу, кухарка—жирная калабрійка—ему весело поклонилась, чего прежде никогда не было; очевидно, она ожидала получить отъ него по крайней мѣрѣ стеклянныя серьги.

Андрей Ивановичъ приготовился къ слѣдующему дню. Онъ заказалъ холстъ, купилъ себѣ новый большой мольбертъ, сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ карандашомъ. Длинный хитонъ у него былъ уже давно купленъ: его ему продалъ уѣзжающій пансіонеръ за ненадобностью. Онъ хотѣлъ изобразить молодую дѣвушку съ пальмой въ рукахъ, на аренѣ цирка. Потомъ можно будетъ подогнать это изображеніе къ канону какой-нибудь святой, но пока онъ не задавался опредѣленной цѣлью. Въ немъ проснулся художникъ, почти совсѣмъ задавленный церковными заказами. Красота дѣвушки зажгла въ немъ появившуюся искру. Онъ не узнавалъ себя. Что-то всколыхнуло его, заставило подтянуться, почувствовать свою силу. Онъ даже сходилъ въ парикмахерскую постричься, такъ какъ въ немъ даже вспыхнуло чувство извѣстнаго охорашиванья передъ женщиной.

Ночь онъ спалъ плохо, часто просыпался и ждалъ разсвѣта. Онъ нарочно не задергивалъ занавѣсы у оконъ, и когда темное небо стало свѣтлѣть, наливаясь розовой краской и голуби зашевелились на его подоконникѣ, онъ почувствовалъ приливъ радостнаго счастья жизни— и тутъ же заснулъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

Проснулся онъ въ половинѣ восьмого отъ стука въ дверь. Это ему несли кофе и яйца. Косой лучъ солнца острой струной протягивался черезъ комнату и игралъ радугой въ граненомъ стаканѣ.

— Синьйора Инесса спрашиваетъ, когда начнется сеансъ?—спросила старуха-кухарка.

Онъ сказалъ, что черезъ полчаса, и попросилъ сей-

часъ же убрать его постель. Онъ наскоро, нервно позавтракалъ, поставилъ у постели кресло и заслонилъ его ширмами. Отъ ширмъ протянулъ ковровую дорожку, до постаменты, гдѣ должна была стоять натура. Цвѣточница, которой онъ наканунѣ заказалъ принести цвѣтовъ, принесла цѣлую копну, и онъ разбросалъ ихъ, гдѣ нашель это наряднѣе. Ровно въ восемь опять постучали, и на порогѣ показалась Инесса.

Онъ подошелъ къ ней и пожалъ ей руку. На ней была легкая розовая кофточка и юбка. Смотрѣла она на него спокойно, только ноздри слегка раздувались.

— Очень радъ васъ видѣть, — сказалъ онъ. — Присядьте вотъ сюда въ кресло.

Она сѣла, подняла съ ковра цвѣтокъ и поднесла его къ носу.

— Скажите, васъ утомляютъ сеансы? Сколько времени вы можете позировать?—спросилъ онъ.

— Я привыкла, — низкимъ груднымъ голосомъ сказала она.—Сидѣть я могу спокойно два часа, а стоять около часа. Если я устаю, я не стѣсняюсь прошу отдыха.

— Да, да, пожалуйста, — подтвердилъ быстро онъ.— Главное, вы не стѣсняйтесь. Если устали, или закружилась голова, вы сейчасъ же скажите.

Онъ протянулъ ей эскизъ.

— Видите, что мнѣ нужно.

Онъ зашелъ сзади ее, облокотился о спинку кресла и сталъ объяснять. Онъ хотѣлъ, чтобы, когда онъ будетъ писать голову, она сама подсказала ему то выраженіе лица, которое приличествуетъ обстоятельствамъ. Надо, чтобъ она чувствовала приближеніе звѣря, но не боялась его, а положила на волю Провидѣнія. Ей это легко будетъ представить, потому что синьйора Беатриче говорила вчера, эта Инесса очень религіозна и, какъ истинная католичка, не пропускаетъ ни одной воскресной службы. Поэтому ей не чужды религіозный экстазъ, и она можетъ до извѣстной степени воплотить тотъ сюжетъ, который его теперь такъ мучитъ.

Она выслушала его спокойно и сказала:

— Хорошо, синьйоръ, я постараюсь.

Онъ сказалъ, что одежды за ширмами. Она встала, положила рисунокъ на столъ, бросила мимоходомъ взглядъ на зеркало и не торопясь пошла за ширмы. Онъ услышалъ, какъ она сбросила съ ногъ туфли, услышалъ шелестъ ея платья и мягкій шумъ кашемироваго широкаго хитона. Онъ задернулъ нижнюю занавѣсь окна, подвинулъ мольбертъ, открылъ коробку съ углемъ и ждалъ.

Она вышла, оправляя рукава. Хитонъ точно былъ сдѣланъ на нее. Маленькая обнаженная нога выставилась только кончиками пальцевъ, когда она дѣлала шагъ впередъ. Шея была едва открыта, широкіе рукава позволяли видѣть руки до самаго плеча, когда она подняла ихъ, чтобъ распустить передъ зеркаломъ косы. Волосы у нея были не особенно длинны, но густы и черными волнами разсыпались по плечамъ и груди. Лицо отъ этого перемѣнилось, стало еще дѣвственнѣе и строже. Она повернулась къ нему и спросила:

— Такъ?

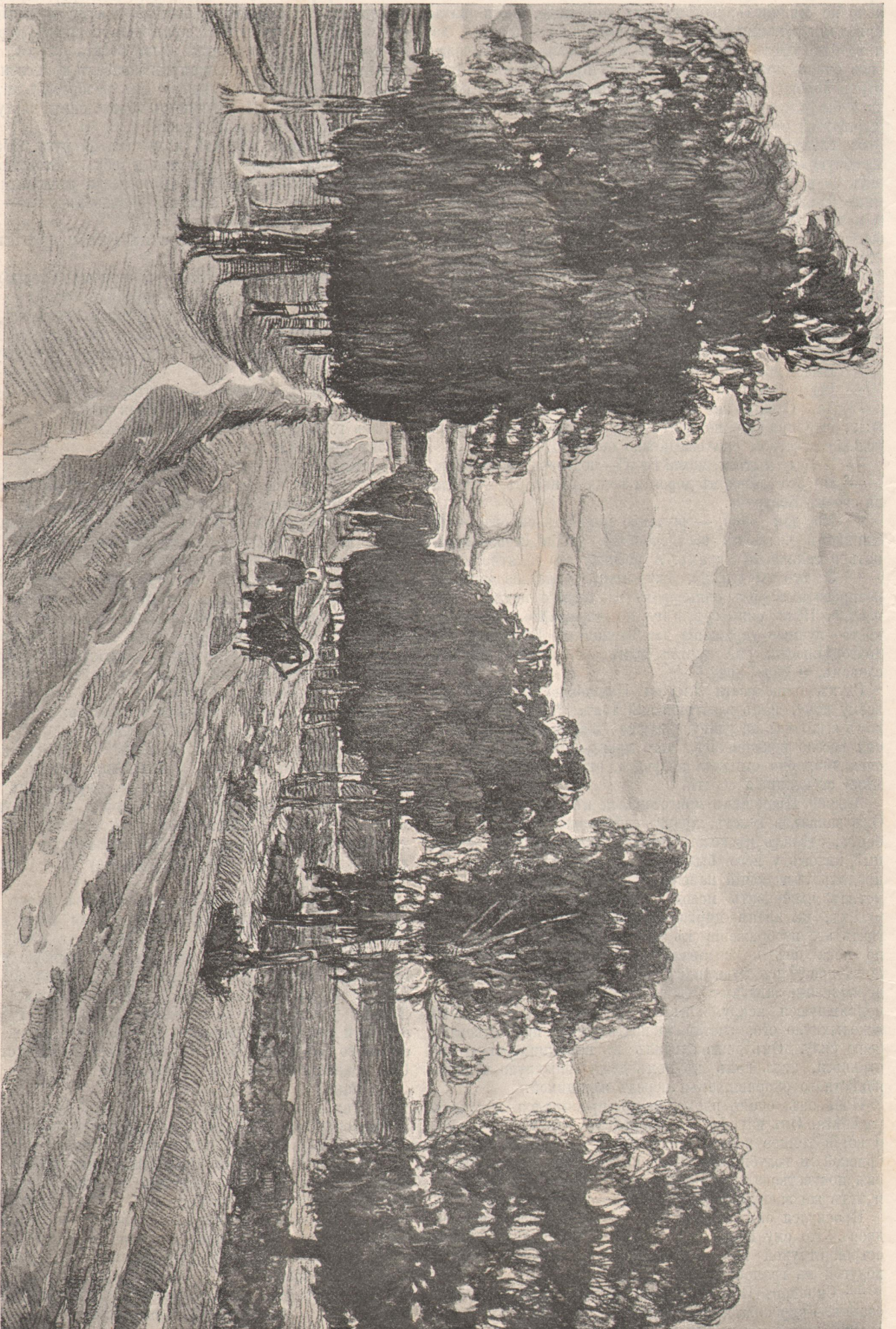
— Такъ,—отвѣтилъ онъ.

Она оперлась о его руку, всходя на постаментъ, онъ вошелъ вслѣдъ за ней, усадилъ ее и сталъ оправлять на хитонѣ складки. Онъ чувствовалъ подъ ними ея молодое упругое тѣло, все дышащее юностью, здоровьемъ и югомъ. Онъ видѣлъ положенную на грудь обнаженную руку съ какимъ-то золотистымъ налетомъ не сходящаго загара, и пушкомъ, сплошь покрывшимъ кожу.

— Вы вѣдь генуэзка?—спросилъ онъ.—Въ васъ есть и греческая кровь.

— Можетъ-быть, — равнодушно отвѣтила она и прибавила:—мнѣ удобнѣе такъ держать пальцы.

— Чудесно!—похвалилъ онъ.

Большая Дорога. Картина Д. Н. Кардовскаго. (Выставка Нового Общества Художников), арт. «Нивы».

Ясновидящая. Картина Г. Макса, авт. «Ильи».

Онъ сошелъ съ постаментъ. Она застыла въ данной позѣ. Сеансъ начался.

XX.

Онъ уже отвыкъ отъ такихъ профессиональныхъ натурщицъ, которыя не шелохнутся ни одной складкой, и какъ мраморъ, неподвижно стоятъ часами. Быстро, смѣло набрасывалъ онъ общій контуръ фигуры, стараясь схватить общій ритмъ позы. Отъ него сразу ушла она, какъ дѣвушка, дочь хозяйки, какъ Инесса, которая заставила его подстричь покороче бороду. Передъ нимъ была христіанская мученица—и только. По привычкѣ не братья за кисть, пока не вырисовано лицо до малѣйшей подробности краснымъ углемъ, онъ не трогалъ красокъ. Онъ молчалъ, глаза его горѣли, онъ то отходилъ, то подходилъ къ холсту, то измѣрялъ рейсфедеромъ разстояніе, кажущееся глазу невѣрнымъ, для чего далеко вытягивалъ руку, щурилъ одинъ глазъ и провѣрялъ контуры по отвѣсу. Академическій опытъ долгихъ лѣтъ сказался: работалъ онъ увѣренно, съ приемами натасканнаго техника, легко преодолевшаго всѣ трудности рисунка. Когда стѣнные часы простучали девять, онъ съ изумленіемъ остановился.

— Какъ? прошелъ часъ?—спросилъ онъ.

Она шелохнулась.

— Да, — сказала она. — И потому десять минутъ антракта.

Она легко спрыгнула на полъ, надѣла туфли и подошла къ мольберту.

— Что скажете?—спросилъ онъ.

— У меня носъ длиннѣе,—подумать, сказала она.

— Я вѣдь рисую не портретъ,—возразилъ онъ.—Я беру съ натуры только то, что мнѣ нужно. Да и носъ въ ракурсѣ.

— За ракурсъ спрячетесь вы всѣ. Какъ что неудается, такъ сейчасъ ракурсъ.

Онъ вспыхнулъ.

— По-вашему, это неудачно?

— Нѣтъ, хорошо, но непохоже. А я признаю только точное сходство съ натурой. Я вообще всей старой школы не люблю. Мнѣ никто не нравится изъ старыхъ художниковъ.

— А Рафаэль?—съ ужасомъ выпячивая глаза, спросилъ онъ.

— Да, и Рафаэль. Для Мадоннъ его картины не идеальны, а дѣвушекъ такихъ нѣтъ.

— А что же вамъ надо?

— Портреты старые люблю, живыхъ людей. Я стою передъ ними, смотрю и думаю. Вотъ были люди и нѣтъ ихъ. Такъ же они думали, ѣли, пили, какъ мы. И вотъ нѣтъ ихъ, но я ихъ чувствую, я ихъ понимаю, и они меня понимаютъ. Есть такіе старые старички въ тусклыхъ рамахъ. Если-бъ они были живы, имъ было бы лѣтъ триста. Потомъ дамы въ шелковыхъ штофныхъ платьяхъ съ вѣрами. Я ихъ тоже люблю. А вотъ эти статуи въ Ватиканѣ, это совсѣмъ скучно, потому что онѣ бѣлыя и безглазья. Богъ съ ними.

— Однако, вы и разсуждаете! — удивился Андрей Ивановичъ.

— Я говорила это Шмидту,—продолжала она:—вотъ тому, что здѣсь въ студіи жилъ до васъ. Я ему говорила, если-бъ я была художникомъ, я бы нарисовала окно, на окнѣ цвѣты, а за окномъ теплый весенній день. Потомъ я бы нарисовала нѣмку, что живетъ здѣсь на углу, жену художника Вагнера. Она блѣдная-блѣдная, волосы у нея свѣтло-золотистые, а глаза какъ аметистъ. Шейка у нея какъ у птички—тоненькая и прямая. Если ей на голову надѣтъ золотой обручъ, это будетъ я не знаю что такое, но будетъ что-то очень хорошее, такое пріятное, странное, какъ сказка. Когда я ее встрѣчаю, я всегда вспоминаю что-то такое очень милое, забытое, и не могу вспомнить. Поэтому было бы такъ хорошо, если-бъ ее нарисовать въ профиль. А мужъ ея рисуетъ

ее вакханкой, и ничего не выходитъ, да и вообще зачѣмъ рисовать вакханокъ, когда ихъ нѣтъ?

Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на нее все также раскрывъ глаза.

— Ну, а потомъ, что бы вы еще написали?—подзадорилъ онъ.

— А потомъ, я бы написала грозу, ночь и черныя развалины. Башни черныя, и людей, которые куда-то идутъ, куда—неизвѣстно куда и зачѣмъ,—чтобъ страшно было. Чтобы когда кто посмотрѣлъ, чтобъ ему стало жутко. Потомъ написала бы туманъ въ горахъ. Когда мы ѣхали изъ Флоренціи сюда, мы въ горахъ видѣли туманъ. И скалы утромъ въ этомъ туманѣ плаваютъ. То покажутся, то спрячутся, какъ великаны.

— Такъ вѣдь я не пейзажистъ, — сказала Андрей Ивановичъ.

— Художникъ все долженъ умѣть, — не унималась она:—и портретъ, и пейзажъ, все.

— Ну, этого не бываетъ. А вы строгая и смѣлая. Это хорошо.

— Нѣтъ, это не хорошо,—возразила она.

— Отчего?

— Мнѣ счастья въ жизни не будетъ. Я все своимъ языкомъ напорчу. Я всѣмъ художникамъ, что съ меня писали, говорила, что они совсѣмъ не то дѣлаютъ, и что совсѣмъ этого ничего не надо. Вы знаете, мнѣ два художника сдѣлали предложеніе, то-есть, они хотѣли жениться на мнѣ. Но потомъ, когда мы чаще начали видѣться и говорить, то они стали меня бояться и отказались. И оба они говорили одно и то же: что такой жены, какъ я, нельзя держать въ домѣ.

— Отчего же?

— Оттого, что я буду разговаривать и осуждать. А женщина должна молчать и варить макароны.

— Развѣ только? А мы, русскіе любимъ, когда женщина равноправна намъ.

Она съ удивленіемъ подняла на него свои черные глаза.

— Неправда!—сказала она:—такого мужчины не существуетъ. Мужчина всегда хочетъ быть царемъ, потому что его мускулы крѣпче. А мускулы всегда больше цѣнятся въ жизни, чѣмъ душа.

Андрею Ивановичу стало весело.

— Откуда у васъ это все! Кто васъ развивалъ?

— Меня никто не развивалъ; я сама все вижу и знаю.

— Отчего вы никогда не улыбаетесь?

— Чего мнѣ улыбаться?

— Развѣ скучно жить?

— Скучно. Я не люблю жизни. Я хотѣла бы умереть.

— Одна сестра хочетъ умереть, другая—пойти въ монастырь.

— Ну, Джульетта—ребенокъ, болтаетъ, что въ голову придетъ. А вы скажите, что хорошаго въ жизни? Все одно и то же. Вѣчно одно небо, одно солнце. Осенью и зимой холодъ, лѣтомъ—жары. На улицахъ кричатъ разносчики, бѣгаютъ собаки, на колокольняхъ звонятъ колокола.

— А выйдете замужъ?

— Тогда больше буду на кухнѣ, чѣмъ теперь; буду купать дѣтей и зашивать платья мужу.

— А если выйдете за богатаго?

— Тогда буду смотрѣть на стѣну и въ потолокъ, да разъ въ день кататься по Корсо. Я не люблю Рима.

— Хотите ѣхать въ Петербургъ?

— Чѣмъ же онъ лучше?

— Лучше, не лучше, а чище. Тамъ рѣка огромная, широкая,—не мутно-зеленая какъ Тиберъ, а свѣтло-синяя, лазурная. Зимой тамъ все опушено снѣгомъ, и рѣка эта покрыта льдомъ, а на льду стоитъ палатка изъ оленьихъ шкуръ и самоѣды-язычники ѣздятъ на рогатыхъ оленяхъ, и за полъ-лиры катаютъ кого хотите. А лѣтомъ тамъ солнце почти не заходитъ, и въ полночь небо ро-

зовое и золотое, какъ послѣ заката, и два мѣсяца нѣтъ совсѣмъ сумерекъ.

— Какъ въ сказкѣ!—сказала задумчиво она.

— Это городъ гранита, — продолжалъ онъ. — Тамъ огромные соборы, съ цѣлыми лѣсами гранитныхъ колоннъ и бронзовыми фронтонами. Тамъ безконечные мосты, тамъ огромныя площади, на которыхъ умѣстятся десять вашихъ форумовъ. Тамъ на Рождествѣ хруститъ снѣгъ, и сверкаетъ миллионами искръ, и въ каждомъ домѣ горятъ ёлки. Тамъ граница, тамъ конецъ Европы, а далѣе, къ сѣверу, идетъ уже совсѣмъ сказочная страна Финляндія—съ прозрачными, какъ стекло, озерами, тихими лѣсами безъ птицъ и безъ пѣнія, съ блѣдными ночами и огромными рѣками, пѣнящимися среди гранитныхъ береговъ.

— Что же... я поѣхала бы туда, — проговорила она. Потомъ вздрогнула, повела плечомъ и прибавила:— Пора работать.

Она опять стала на свое мѣсто. Онъ взялся за краски. Они молчали, но... дѣло не спорилось. Она разсѣяннымъ взглядомъ смотрѣла вдаль. Онъ боязливо и осторожно пробовалъ тона красокъ. Изъ открытаго окна вдругъ прыгнула къ нимъ кошка. Они разсмѣялись, но не сказали ни слова.

Дверь отворилась, а въ комнату скользнула Джульетта. Она, по обыкновенію, что-то жевала.

— Ты зачѣмъ?—спросила сестра.

— Меня мама послала наблюдать за тобою, — сказала дѣвочка:—чтобъ ты не цѣловалась съ художникомъ.

— Экій вздоръ!—сквозъ зубы сказала Инесса.

Джульетта сѣла на скамеечку и стала смотрѣть, какъ работаетъ Андрей Ивановичъ.

— Нарисуйте благовѣщеніе, — вдругъ сказала она. — Сестрица очень хочетъ, чтобъ кто-нибудь написалъ съ нея Дѣву-Марію. А меня ангеломъ поставьте на колѣна. Я буду говорить: «благословенъ плодъ чрева твоего».

— Перестань врать!—остановила ее сестра.

— Инесса хочетъ, — продолжала Джульетта, не слушая:— выйти замужъ за знаменитаго художника. Она говорила, что хочетъ поѣхать въ Америку, и тамъ охотиться за дикими лошадьми. Ей рассказывали много объ Америкѣ, и о томъ, какъ тамъ живутъ американки, поэтому ей непременно хочется туда уѣхать. Но это все пустяки, а вотъ главное. Мама отпускаетъ насъ втроемъ въ воскресенье послѣ обѣдни гулять. Мы поѣдемъ куда-нибудь, синьоръ Андреа, не правда ли? Вы насъ угостите обѣдомъ съ виномъ, потомъ кушите по коробкѣ конфетъ, и будете ухаживать за нами обѣими? Мамѣ хочется остаться вдвоемъ съ панскимъ гвардейцемъ, который ходитъ къ намъ по праздникамъ.

— Это изъ рукъ вонъ!—закричала Инесса. — Я сейчасъ передамъ мамѣ то, что ты здѣсь говоришь, и она не только не пуститъ тебя съ нами въ воскресенье, но запретъ въ чуланъ, гдѣ крысы и пауки, на цѣлую ночь.

— Никогда она не запретъ, потому что ты никогда ей ничего не скажешь!—смѣясь возразила Джульетта. — А въ воскресенье ты надѣнешь свое розовое платье, возьмешь палевый зонтикъ, надѣнешь перчатки, а я буду въ обломъ платьѣ съ кружевами, и мы поѣдемъ въ Тиволи или я не знаю куда, — куда захочетъ маэстро. Такъ вѣдь, синьоръ Андреа? Такъ!

— Отъ нея надо заператься какъ отъ чумы, — проворчала сестра. — Я рѣшительно не могу при ней позировать.

— Я молчу! молчу!—закричала Джульетта, и схвативъ за переднія лапы кошку, стала съ нею танцевать среди студіи тарантеллу.

XXI.

Воскресенье они, точно, провели втроемъ. Инесса попрежнему была строга и останавливала сестру, когда шутки ея выходили изъ предѣловъ благопристойности, а это происходило черезъ каждыя пять минутъ. Они обѣ-

дали за городомъ, въ плохенькомъ ресторанчикѣ, гдѣ все время играли на скрипкахъ бродячіе нищие, и подкутившая компанія французскихъ художниковъ пѣла марсельезу. Джульетта все спрашивала Андрея Ивановича: — Что же вы намъ подарите?

Онъ шутилъ, говорилъ, что Инессѣ подаритъ Ватиканъ, а ей соборъ святаго Петра. Но Джульетта не любила такихъ шутокъ. Она требовала, чтобъ онъ перешелъ на болѣе реальную почву. Тогда онъ сказалъ, чтобы сестры сами назначили, что онѣ хотятъ.

— Я хочу шелку на платье!—сказала Джульетта.

— Хорошо, я вамъ подарю бѣлаго атласа на ваше вѣнчальное платье, — сказалъ Андрей Ивановичъ. — Вы получите этотъ подарокъ въ день моего отъѣзда изъ Италіи. И когда вы будете выходить замужъ, то въ день вѣнчанія, стоя на колѣняхъ передъ патеромъ, вспомните, что на далекомъ сѣверѣ живетъ въ холодѣ и туманѣ художникъ, который сдѣлалъ вамъ этотъ подарокъ.

Джульетта вдругъ надула губы и перестала разговаривать.

— А вы, Инесса, что хотите отъ меня?—спросилъ онъ.

— Вы мнѣ подарите револьверъ, или кинжалъ, — сказала она.

— Зачѣмъ?

— На память. Я тоже вспомню васъ въ ту минуту, когда пуцу себѣ пулю въ сердце, или разрѣжу кинжаломъ себѣ грудь.

— Я совсѣмъ не хочу давать вамъ въ руки такое оружіе, — сказалъ онъ. — Если-бъ у васъ былъ револьверъ, я бы укралъ его.

— Люди—очень смѣшныя существа, — сказала Инесса. — Они думаютъ, что убить себя можно только выстрѣломъ изъ револьвера или ударомъ кинжала. А между тѣмъ гораздо проще выпить нашатырнаго спирта или броситься съ четвертаго этажа внизъ головой.

— Вы знаете, сестрица уже разъ топила, — проговорила Джульетта.

— Да неужели?—смѣясь спросилъ онъ, думая, что она шутитъ.

— Она ночью прыгнула съ моста въ Тибръ. Ей было тогда четырнадцать лѣтъ. Но ее замѣтили съ лодокъ и вытащили. Она была влюблена въ испанскаго художника Хозе, и хотѣла утопиться отъ несчастной любви...

— Что она рассказываетъ, mademoiselle Инесса?—спросилъ онъ.

— Она говоритъ правду, — холодно отозвалась Инесса. — Только я совсѣмъ не была влюблена въ него, а просто держала съ нимъ пари: онъ говорилъ, что я не рѣшусь броситься, а я говорила, что для меня не существуетъ ничего, передъ чѣмъ я могла бы задуматься. Я пари выиграла.

— Но рисковали утонуть?

— Не знаю.

— Вы умѣете плавать?

— Нѣтъ. Даже понятія не имѣю.

— Но не забудьте, — подхватила Джульетта:— что донъ Хозе долженъ былъ жениться на австрійской герцогинѣ, и Инесса продѣлала все это изъ ревности. У нея подъ подушкой была карточка Хозе, и она до того ее цѣловала, что губами протерла портретъ до дырки.

Къ вечеру они трое воротились домой. Гвардеецъ еще сидѣлъ у синьоры Беатриче, молчалъ и радостно улыбался во весь ротъ. Происходило это, вѣроятно, отъ того, что онъ былъ жестоко пьянъ, поглотивъ невѣроятное количество вина въ теченіе дня. Сама Беатриче тоже была очень весела. Она встрѣтила дочерей радостными криками, представила гвардейца Андрею Ивановичу какъ лучшаго друга дома, единственнаго мужчину, на котораго она можетъ опереться въ случаѣ несчастія. Потомъ она отвела жильца въ уголь и серьезно начала ему говорить, что она совершенно въ немъ увѣрена, и считаетъ его за честнѣйшаго человѣка: иначе она бы не отпустила

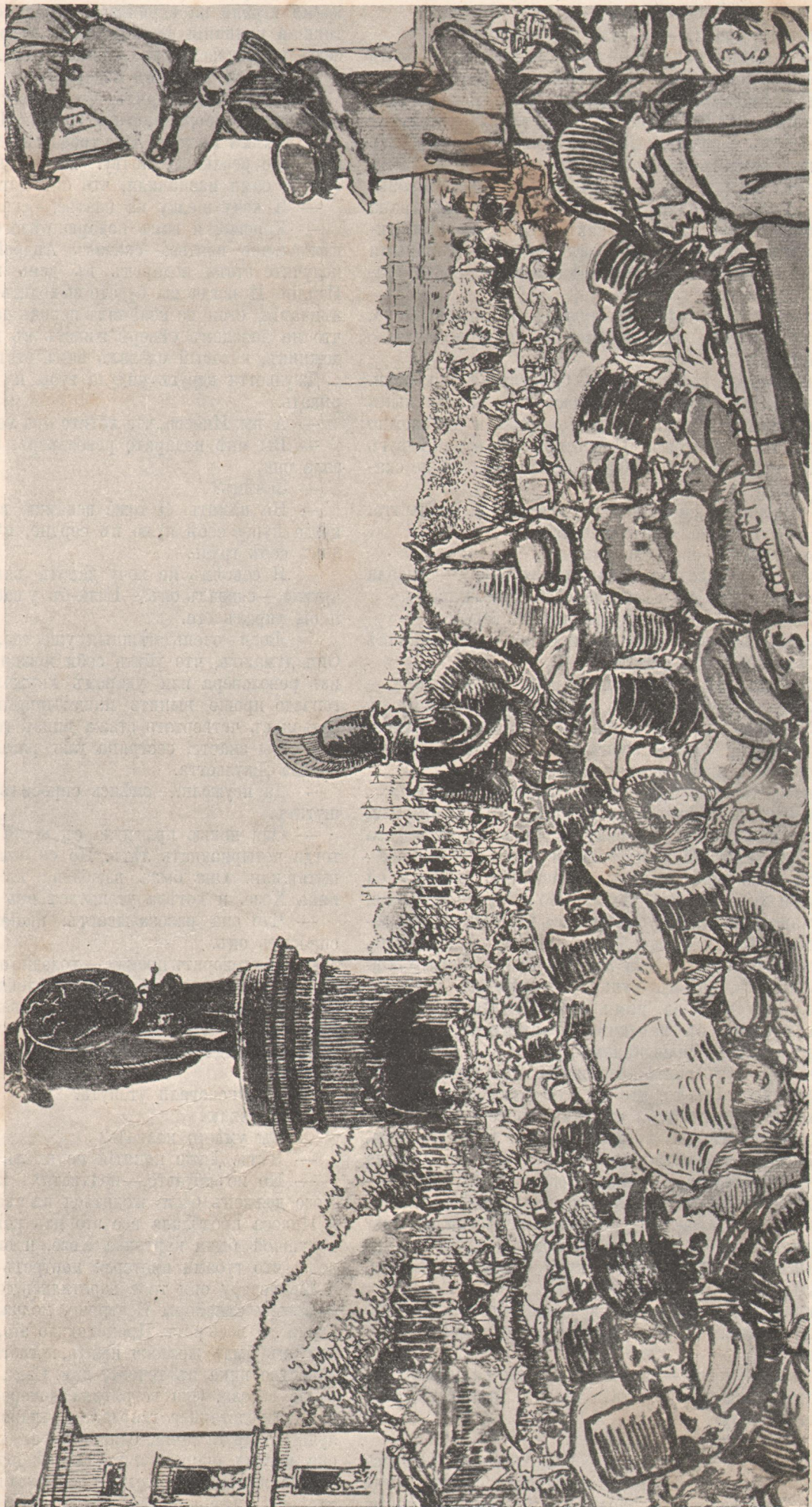
съ нимъ двухъ дѣвушекъ. Она знала одного англичанина, очень богатаго челоуѣка, такъ съ нимъ она бы ни за что не отпустила дочерей. Потомъ она просила его и гвардейца выпить послѣднюю бутылочку. Больше она просить не будетъ. Она врагъ пьянства. Особенно она ненавидитъ вино послѣ несчастной кончины ея мужа, которая и произошла — то именно отъ этого проклятаго напитка. Но разъ въ недѣлю, въ воскресенье выпить лишній стаканъ, это она понимаетъ.

Вино оказалось кислымъ и жидкимъ. Гвардеецъ пилъ его, какъ воду. Андрей Ивановичъ чокнулся съ нимъ и со вдовою. Послѣдніе лучи солнца упали на стѣну и заиграли золотыми пятнами на старомъ шкапу.

— О, этотъ шкапъ, — сказала синьора Беатриче: — его купилъ мой мужъ на другой день послѣ перѣзда въ Римъ. Я не могу безъ слезъ его видѣть. Все мнѣ, все о немъ напоминаетъ.

Она заплакала, и крѣпко пожала руку гвардейцу.

(Продолженіе будетъ).

„Люблю воинственную живость потѣшныхъ Марсовыхъ полей“ ...

Рисунокъ А. Н. Бенюа къ поэму «Мѣднѣй Всадникъ» А. С. Пушкина. (Выставка картинъ Союза Русскихъ Художниковъ), авт. «Нивы».

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Мукденскій бой.

Отступившія изъ Мукдена части войскъ въ Телинѣ на площади передъ станціей. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

XV. Два слова о русскомъ солдатѣ.

Такъ кончился мукденскій бой, безпримѣрный въ исторіи современныхъ войнъ.

Въ тѣхъ людяхъ, которые были близкими участниками и свидѣтелями его, онъ оставилъ на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе. Время стираетъ испытанія горя, смерть близкихъ, жизненные удары, но не въ состояніи изгладить потрясающихъ впечатлѣній грандіозной исторической драмы у тѣхъ, которые были въ ней дѣйствующими лицами. Съ обыденной жизненной драмой ее сравнить нельзя. Какъ бы ни было сильно впечатлѣніе личнаго горя или радости человѣка, онъ все-таки видитъ, что на окружающихъ это не отражается. Тутъ совершенно различны масштабы. Насколько страшна для человѣка въ обыденной жизни смерть, настолько легко и просто въ бою онъ рисковалъ и жертвовалъ ею, настолько легко, что потомъ объ этомъ вспоминалось съ невольнымъ трепетомъ. Простой немудреный человѣкъ становится героемъ, показывая примѣры необычайной храбрости и самопожертванія.

Сообразно съ этими масштабами и сила впечатлѣній. Отъ этихъ впечатлѣній юноши становились мужами. Люди среднихъ лѣтъ дѣлались стариками, въ нѣсколько дней сдѣлаи, сходили съ ума...

Послѣдній бой, завершившій годъ войны, многимъ открылъ глаза на причины ряда неудачъ, на прошлыя ошибки. Но все это можетъ быть исправлено, и для этого уже многое сдѣлано. Есть вопросъ гораздо болѣе важный, который никогда прежде не подымался, и въ первый разъ о немъ заговорили въ эту кампанію. А именно, — можетъ ли русская армія, какъ массовая сила, какъ часть своего народа, бороться съ серьезнымъ противникомъ? Или, проще говоря, высокъ ли по своимъ личнымъ качествамъ русскій солдатъ?

Объ этомъ въ печати проскользнули замѣтки и мысли какъ бы мимоходомъ. Между тѣмъ вопросъ этотъ, хотя и въ двадцатомъ вѣкѣ, но въ то время, когда кругомъ націи вооружаются, какъ говорится, до зубовъ, является весьма существеннымъ.

Какой-то обозрѣватель въ иностранной газетѣ коротко и ясно объявилъ, что теперь нѣтъ сомнѣнія, что русскій солдатъ ниже по качествамъ японскаго солдата.

Подобныя же мнѣнія проскользнули даже въ русской печати. Ничего нѣтъ легче, конечно, взять чистый листъ бумаги и бѣглымъ почеркомъ изобразить на немъ то, что придетъ въ голову. Но гораздо труднѣе и даже нѣсколько опасно идти подъ пули и посмотрѣть, какъ солдатики идутъ впередъ, какъ и отчего они идутъ назадъ, да хорошенько присмотрѣться къ нимъ въ этой неприятой обстановкѣ.

Помимо подобныхъ опытовъ, судить о боевомъ качествѣ солдата, мнѣ кажется, не только трудно, но положительно невозможно.

Я позволю себѣ высказать свое убѣжденное и рѣшительное мнѣніе.

Я не буду говорить, что русскій солдатъ по своимъ боевымъ качествамъ равенъ японскому солдату, а прямо скажу, что онъ гораздо выше его въ этомъ отношеніи.

Начнемъ съ того, что въ періоды затишья, между большими боями, какъ, напримѣръ, на шахейскихъ позиціяхъ, когда дѣйствовали небольшія охотничьи команды, онъ въ своихъ малыхъ операціяхъ былъ всегда выше такихъ же японскихъ командъ. Поиски нашихъ охотниковъ были всегда смѣлѣе, отличались инициативой, и результаты ихъ были всегда блестящіе.

Служба пограничниковъ по охранѣ дороги, это — рядъ

единичныхъ подвиговъ русскаго солдата. Кто мѣшалъ японцамъ провести черезъ Монголію небольшія команды для разрушенія нашихъ колоссальныхъ мостовъ? Взорвать мостъ или поджечь складъ — дѣло нѣсколькихъ минутъ, и это мы блистательно доказали при нашихъ отступленіяхъ. И японцы проводили такіе отряды, переодѣвали солдатъ бонзами, снабжали ихъ пироксилиновыми пашками, посылали для этихъ цѣлей спеціалистовъ — офицеровъ генеральнаго штаба, а въ результатъ — ни одного серьезнаго поврежденія пути, потому что единичная инициатива и отвага японца сталкивалась съ тѣми же качествами русскаго солдата-пограничника. Охрана безконечной линіи желѣзной дороги, отъ порчи которой мы могли бы имѣть очень большія за-

Отступившія изъ Мукдена части войскъ въ Телинѣ на площади передъ станціей. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Отступившія войска въ Телинѣ на линіи. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Трудней, является хотя и незамѣтной, но громадной заслугой пограничной стражи.

Подъ Мукденомъ я видѣлъ сотни солдатъ, уходившихъ изъ боя подъ разными предлогами и сидѣвшихъ за заборами. Иначе и не можетъ быть въ арміи, цѣлый годъ воспитанной на отступленіяхъ. Положимъ, это было стратегическое отступление, обдуманное и предусмотрѣнное по всемъ правиламъ кабинетной науки, но въ концѣ концовъ обнаружилось и отрицательные его результаты. Какъ ни стремятся превратить солдата въ машину, онъ все-таки остается человѣкомъ. Для солдата слово «стратегическое» не существовало, и онъ зналъ только одно слово «отступление». Въ послѣднихъ бояхъ между солдатами въ своемъ кругу все чаще и чаще разбирался вопросъ: «куда будемъ отступать?».

Подъ Вафангоу (вторымъ) артиллеристы теряли орудія, но кто-жъ виноватъ, что батареи ставились на гребняхъ сопки въ видѣ мишеней? Подъ Ташичао артиллерія была поставлена только и работала такъ, какъ никогда не работала японская. Тогда не было ни сомнѣвающихся, ни трусовъ, и когда приказано было по стратегическимъ соображеніямъ отступить, солдаты оставляли позиціи съ большою неохотой.

Въ первомъ бою подъ Вафангоу 17-го мая, гдѣ не было ни стратегіи, ни тактики, а просто была драка русскихъ солдатъ съ японскими — наши казачки искрошили два японскихъ эскадрона и нагнали на нихъ такого страха, что въ японскихъ газетахъ совершенно серьезно говорили, что такими большими пиками нельзя драться. У нихъ сабли коротенькія, а казаки, «эти нахалы», насочили на нихъ со своими полтора саженными пиками и всѣхъ переколоти. Это безсовѣстно и даже жестоко.

Какъ извѣстно, подъ Вафангоу было два боя: первый — удачный, а второй — неудачный. Въ первомъ командовалъ генералъ Самсоновъ, а во второмъ генералъ Штакельбергъ.

Японскіе начальники сдѣлали японскаго солдата героемъ. Они восприняли у нашего же военного учителя Суворова основные принципы: «смѣлость, быстрота и натискъ», — которые, къ сожалѣнію, у насъ оказались забытыми, — и сдѣлали свою армію страшной и побѣдоносной.

Тѣхъ же японцевъ, которыхъ въ началѣ кампаніи называли *япоиками* и *макаками* съ оттѣнкомъ презрительной ироніи, въ послѣднее время уже перестали такъ называть.

Подъ Янтаемъ полки 54-й дивизіи навлекли на себя всеобщія нареканія. Говорили, что эти полки никуда не годятся, а когда одинъ изъ этихъ же полковъ получилъ другого начальника, то сталъ образцовымъ и въ бояхъ былъ впереди.

Нашъ солдатъ тѣмъ и хорошъ, что онъ всецѣло преданъ своему начальнику, если тотъ, конечно, умѣетъ внушить къ себѣ довѣріе и любовь. Его не нужно подогрѣвать ни патристическими идеями, ни ханшиномъ, какъ японскаго солдата, а достаточно, чтобы онъ вѣрилъ въ своего начальника. Но такъ какъ начальники бываютъ разные, то и полки у насъ разные.

На Путиловской сопкѣ генералъ Путиловъ ежедневно угощалъ своихъ солдатъ водкой, самъ наливалъ и самъ раздавалъ. Къ солдатамъ онъ былъ близокъ, какъ товарищъ, короче сказать, этотъ генералъ былъ солдатомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, чѣмъ и долженъ быть въ сущности каждый военачальникъ.

Какъ ни возводить военное дѣло въ науку, оно все-таки остается и навсегда останется колоссальной дракой, и побѣдителями будутъ всегда тѣ полководцы, у которыхъ больше «смѣлости, быстроты и натиска». А одной стратегіей можно будетъ побѣждать тогда, когда

поля битвы разграфятъ наподобіе шахматныхъ досокъ, а солдатъ превратятъ въ пѣшки.

Въ 19-мъ полку на Путиловской сопкѣ не было ни одного плохого солдата, ни одного плохого офицера. Смѣлые отчаянные выходки стали у нихъ чѣмъ-то въ родѣ спорта. Во время адеской ганоады солдаты съ котелками выходили на гребень сопки и, сидя тамъ, обѣдали. На мои вопросы они отвѣчали, что дѣлать это для того, «чтобы доказать». Каждый день вызывались охотники идти въ полянку за передовой линіей и передъ неприятельскими окопами набрать соломы или просто прогуляться подъ выстрѣлами. И сдѣлавшій это безконечно доволенъ былъ, что онъ «доказалъ на практикѣ».

Любимымъ занятіемъ у нихъ было также развѣшивать для сушки бѣлье на проволочныхъ загражденіяхъ, по которымъ японцы сейчасъ же открывали огонь.

Со мной на Путиловскую сопку ѣздилъ солдатъ изъ транспортной команды. Я его считалъ отъявленнымъ трусомъ. Слыша за 12 верстъ канонаду, онъ уже приходилъ въ грустное настроеніе и говорилъ:

— Все палить и палить, Господи помилуй.
— Какой же ты солдатъ, если боишься выстрѣловъ, — замѣчалъ я ему.

— Какой же я солдатъ — я транспортный...

— Погоди, это только издала такъ страшно.

Въ первый разъ его послалъ пообѣдать съ солдатами на сопку. Во второй разъ онъ прогулялся въ окопы. Посмотрѣлъ онъ на жизнь 19-го полка, на отношенія генерала Путилова къ солдатамъ, и все это произвело въ немъ сильную перемѣну.

Онъ уже самъ сталъ проситься сопровождать меня на сопку. Въ послѣднюю поѣздку онъ признался мнѣ, что у него «сердце пламенно горитъ получить Георгія».

Скоро ему удалось перевестись въ пѣхотный полкъ.

Пословица «на міру и смерть красна» нигдѣ не примѣнима такъ, какъ въ бою. До русскаго солдата

не коснулись понятія о чувствѣ самосохраненія, о болѣзняхъ воли и т. п. Онъ если и подчиняется, то, согласно своимъ несложнымъ взглядамъ, или строгости начальника, или его обаянію, если онъ популяренъ. Это второе подчиненіе гораздо прочнѣе перваго. Наконецъ, третій видъ подчиненія — это чувство честолюбія, и такихъ очень много. Ихъ девизъ: «либо георгіевскій крестъ — либо деревянный».

И каждый русскій солдатъ, идущій въ бой, готовъ къ смерти. Это не дикій фанатизмъ японцевъ, а покорное ожиданіе своего конца.

Атаки японцевъ стремительны. Они идутъ густыми цѣпями. Наши наоборотъ нѣсколько флегматичны, спокойны, но болѣе увѣренны. У насъ много пѣльныхъ, что всегда бываетъ при отступленіяхъ и неудачахъ, но у насъ не было добровольныхъ перебѣжчиковъ, какихъ очень много попало къ намъ со стороны японцевъ.

Побѣги японскихъ пѣльныхъ весьма рѣдки, но побѣги нашихъ изъ японскаго плѣна очень часты.

При своихъ частичныхъ отступленіяхъ японцы были такъ же стремительны, какъ и въ атакахъ, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что при первой же нашей удачѣ и отступленіи японцевъ у нихъ можетъ развиться паника въ очень широкихъ размѣрахъ.

Но можно безконечно собирать наблюденія, и они все-таки будутъ не полны, если не послушать мнѣнія того же самаго русскаго солдата, котораго сравниваютъ съ японскимъ солдатомъ, съ которымъ онъ сталкивался грудью съ грудью и навѣрно лучше всѣхъ успѣлъ уже узнать его.

Пусть не удивляются, что вопросъ объ этомъ сравненіи для скромнаго русскаго солдата покажется обиднымъ.

При всей своей простотѣ, онъ отлично понимаетъ, что сила

Предсѣдатель ком. подп. Орскаго полка Г. Загоскинъ, члены: прапорщ. того же полка В. Власовъ, поручикъ Александровскаго полка М. Ассъ, предсѣдатель полевого контроля контролеръ Мамаевъ, китайскіе чиновники особыхъ порученій при мукденскомъ дзюнь-дзюнь Сун-тэн-бяо и Ма-мэн-изи, переводчикъ, конвой и бои (слуги-китайцы). Западная комиссія по возмѣщенію убытковъ китайскому населенію при Россійскомъ военномъ комиссарѣ. По фот. авт. «Нивы».

японцевъ въ обходныхъ движеніяхъ, связи между частями, взаимной поддержкѣ, быстротѣ передвиженій, въ умѣнь въ данномъ мѣстѣ быть всегда сильнѣе насъ. Онъ отлично знаетъ, что всѣ эти дѣйствія зависятъ не отъ солдата, отъ которыхъ, какъ и отъ него, требуется только подратъся съ врагомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ поставили.

Но тамъ, гдѣ дѣло зависить отъ самихъ солдатъ: въ мелкихъ поискахъ, разбѣздахъ, у нихъ опѣнка японскаго солдата опредѣлилась очень точно. При равныхъ силахъ, въ этихъ случаяхъ охотники дѣйствуютъ съ полной увѣренностью на успѣхъ и никогда не ошибаются.

— Кто же ихъ и научилъ-то воевать?.. Мы же научили...—говорили мнѣ часто солдаты.

Дѣйствительно, японцы, прекрасно подготовленные въ отношеніи военной администраціи и имѣя талантливыхъ и воспримчивыхъ

Возмѣщеніе военныхъ убытковъ китайцамъ.

(Съ 2 рис. на стр. 450 и 451).

Война, которую мы ведемъ съ японцами, вызываетъ огромное количество особыхъ, совершенно своеобразныхъ расходовъ — за вредъ и убытки, нанесенные военными дѣйствіями мирному китайскому населенію.

Въ силу того обстоятельства, что мы воюемъ не на своей и не на японской территоріи, а на территоріи, такъ сказать, «третьихъ лицъ», намъ приходится на каждомъ шагу платить этимъ «третьимъ лицамъ» довольно изрядныя суммы за всякій ущербъ, вызванный военными надобностями. И нужно сказать правду, китайцы порядочно наживаются за счетъ войны, и кровавая трагедія русско-японскаго столкновенія сплошь и рядомъ превращается

На родномъ пепелищѣ. Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

начальниковъ, многое переняли отъ насъ: волчьи ямы, проволочныя загражденія, окопы большой профили, землянки, штыковые атаки, но, къ сожалѣнію, не переняли нашей медленности и нерѣшительности.

А видѣть всѣ наши сооруженія они могли очень легко, такъ какъ шли по нашимъ пятамъ.

Такимъ образомъ молодая, безъ историческаго прошлаго, армія, воюя съ арміей опытной, имѣющей боевую славу, у нея же училась побѣждать.

Это не первый примѣръ въ исторіи, если вспомнить нашу войну со шведами.

Разница только въ томъ, что императоръ Мутсукито не Петръ Великій, а Мукденъ не Полтава.

Будемъ же вѣрить въ русскаго солдата, покуда онъ самъ въ себя вѣритъ, и вмѣстѣ съ лучшими начальниками, близко къ нему стоящими и знающими его, скажемъ, что съ нимъ можно воевать и можно и должно побѣдить.

Харбинь,
26-го апрѣля.

В. Табурина.

для нихъ въ источникъ обогащенія. Такъ, впрочемъ, всегда бываетъ: «Duobus litigantibus tertius gaudet» — когда двое враждуютъ—третій радуется!..

Для возмѣщенія ущерба китайскому населенію Мукденской провинціи учреждены при русскомъ военномъ комиссарѣ этой провинціи двѣ спеціальныя коммиссіи: одна изъ нихъ дѣйствуетъ въ восточномъ районѣ Мукденской провинціи, другая въ западномъ (къ востоку и къ западу отъ Мандаринской дороги).

Въ составъ каждой коммиссіи входятъ слѣдующія лица: штабъ-офицеръ (предсѣдатель), два оберъ-офицера и чиновникъ отъ полевого контроля. Кромѣ того, со стороны китайцевъ въ коммиссіи присутствуютъ, на правахъ членовъ и въ качествѣ представителей мукденскаго дзянь-дзюня, два китайскихъ чиновника или офицера.

Всѣ прошенія китайцевъ о потравахъ и другихъ убыткахъ, причиненныхъ нашими войсками, поступаютъ къ военному комиссару и, по переводѣ ихъ на русскій языкъ, передаются въ коммиссію. Въ прошеніяхъ этихъ китайцы обыкновенно показываютъ количество уничтоженныхъ посѣвовъ и разрушенныхъ фанзъ: это—наибольше

Сзади (въ мерлушковой шапкѣ) главноуполномоченный, сенаторъ П. Н. фонъ-Кауфманъ; спереди, въ срединѣ, старшій врачъ А. П. Штейнфельдъ, рядомъ—комендантъ поѣзда пор. В. А. Заблочій.

Личный составъ санитарнаго поѣзда Краснаго Креста № 11. Поѣздъ этотъ, сформированный и оборудованный въ февралѣ с. г., вышелъ изъ Харбина на югъ 14 февраля и въ теченіе двухъ недѣль сдѣлалъ два рейса на театръ военныхъ дѣйствій, пройдя 1.550 верстъ, и вывезъ съ позицій нашего крайняго праваго фланга (изъ арміи ген. Каульбарса) 30 раненыхъ офицеровъ и 1.698 нижнихъ чиновъ. 18 февраля у дер. Суходяпу поѣздъ подвергся обстрѣлу неприятельскими снарядами. Съ 22 по 25 февраля поѣзду каждую минуту угрожала опасность: чины пограничной стражи вынимали изъ-подъ рельсъ передъ проходомъ поѣзда пироксилиновые шашки, ночью хунхузами въблизи поѣзда взрывались телеграфные столбы, близъ ст. Хушитай тотчасъ послѣ прохода поѣзда былъ поврежденъ путь. По фот. авт. «Нивы».

обычный родъ ущерба, причиняемаго имъ войною. Комиссія детально контролируетъ показанные убытки и для этого въ полномъ своемъ составѣ отправляется въ деревню и тамъ осматриваетъ на мѣстѣ потоптанныя поля, срубленныя деревья и погибшія фанзы. Группа, воспроизведенная въ настоящемъ № «Нивы», представляетъ весь персоналъ одной изъ этихъ комиссій.

Оцѣнка убытковъ производится слѣдующимъ способомъ: за единицу потравы принимается «му» (около $\frac{1}{16}$ нашей десятины), а за единицу убытка, произошедшаго отъ разрушенія фанзы—«дзянь» (около 6 квадр. аршинъ глинобитной постройки). За каждое «му» комиссія платитъ 3 р.—3 р. 50 к., а за каждый «дзянь» по 10 р. За срубленныя деревья платится отъ 2 до 7 р. за штуку. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, цѣны назначаются, по соглашенію просителей съ комиссіей, и нѣсколько болѣе возвышенныя.

Опредѣливъ сумму вознагражденія, комиссія тутъ же, на мѣстѣ, и, по возможности, въ присутствіи жителей деревни, передаетъ деньги старшинѣ и отбираетъ отъ него расписку, которую подписываютъ и китайскіе чиновники.

Китайцы, какъ занятые «купцы», любятъ поторговаться и нерѣдко просятъ увеличить сумму оцѣнки, но, въ общемъ, остаются очень довольны вознагражденіемъ.

Расходъ на подобныя вознагражденія, какъ мы уже замѣтили выше, очень великъ: его нужно считать сотнями тысячъ рублей. Есть деревни, которыя заявили количество потравы въ 25.000 «му».

Въ санитарномъ поѣздѣ.

Когда мы должны были возвратиться изъ Харбина въ дѣйствующую армію, принцъ Бурбонскій рѣшилъ отправиться до Харбина на пароходѣ по Сунгари. Я же, зная по прежнему опыту, что при осеннемъ мелководьѣ можно съ успѣхомъ засѣсть на мели на весьма неопредѣленный срокъ, и имѣя много срочныхъ дѣлъ, предпочелъ временно разстаться съ моимъ спутникомъ и поѣхать по желѣзной дорогѣ. Къ тому же и старыя раны, дававшія сильно о себѣ знать, вслѣдствіе полугодоваго скитанья по сырмъ фанзамъ, рекомендовали избѣгнуть переѣзда водою.

Когда я пріѣхалъ на вокзалъ, къ пассажирскому поѣзду, вся платформа была полна самой разношерстной публикой: тутъ были и дамы, и санитары съ повязками на рукахъ, масса солдатъ разныхъ частей, много офицеровъ, выписывавшихся изъ госпиталей и возвращавшихся въ свои части, военныхъ врачей, сестеръ милосердія, штатскихъ, глядя на большинство которыхъ трудно было опредѣлить, къ какому классу общества они принадлежатъ, «восточныхъ человѣковъ» съ очень воинственнымъ видомъ, но, какъ я всегда замѣчалъ, болѣе предпочитавшихъ оставаться въ тылу арміи, бабъ и мужиковъ-переселенцевъ и пр. Всѣ пути были заставлены поѣздами, изъ которыхъ было два санитарныхъ, только что доставившихъ раненыхъ въ послѣднихъ бояхъ подл. Лианьномъ. Ихъ выгрузили въ сторонѣ отъ платформы, и вокругъ

тебѣ, запреженныхъ обозными лошадьми, гдѣ уже сидѣли тяжело раненые, группировались всѣ тѣ, кто могъ передвигаться per pedes apostolorum.

До отхода поѣзда оставалось съ часть времени, такъ какъ по военному времени въ назначенный по расписанію часъ онъ не отходилъ, и я пошелъ побесѣдовать съ нашими славными страстотерпцами. Большинство изъ нихъ въ нижнихъ частяхъ своихъ костюмовъ напоминало индѣйцевъ Сѣверной Америки, такъ какъ только-что выданные имъ сапоги хранили еще дѣвственный цвѣтъ желтой кожи, придававшей имъ большое сходство съ мокасинами. Общее впечатлѣніе, вынесенное мною послѣ разговоровъ съ ранеными, я могъ бы выразить въ двухъ словахъ: мужественное спокойствіе. По лицамъ солдатъ видно только было, сколько имъ пришлось переустрадать. Большинство рвалось назадъ въ строй и жалѣло, что ихъ «оченно далеко завезли». Среди темныхъ группъ тамъ и сямъ бѣжали косынки сестеръ милосердія, раздававшихъ раненымъ табакъ.

Возвращаясь отъ нихъ на станцію, я попалъ въ объятія доктора В. Д. Беллюстина, и его славное открытое лицо, обрамленное вьющейся бородкой, воскресило во мнѣ рой тяжелыхъ воспоминаній изъ прошлаго. Мы не видѣлись съ прошлой войны въ Монголіи, когда Беллюстинъ явился съ отрядомъ, пришедшимъ ко мнѣ на выручку въ Католическій монастырь, и энергически приступилъ къ перевязкамъ серьезной раны, не внушавшей ему особеннаго довѣрія.

— Куда вы?—спросилъ онъ меня.

— Въ армію.

— Такъ поѣдете съ нами въ санитарномъ поѣздѣ; онъ идетъ вскорѣ послѣ пассажирскаго, и пустой. Я дамъ въ ваше распоряженіе весь офицерскій вагонъ, и вы съ полнымъ комфортомъ проведете четыре дня пути, вмѣсто того, чтобы маяться въ душномъ вагонѣ, гдѣ пассажиры напишаны, какъ сельди въ боченкѣ.

Я тѣмъ болѣе не долго колебался принять приглашеніе, что давно хотѣлъ познакомиться съ укладомъ жизни санитарныхъ поѣздовъ, оказавшихъ столько неоцѣнимыхъ услугъ арміи и такъ прекрасно оборудованныхъ.

Поѣздъ, въ который я такъ неожиданно попалъ, носилъ № 12 и былъ сооруженъ новостроящеюся Полоцкъ-Сѣдлецкою дорогою. Онъ состоялъ изъ офицерскаго вагона, десяти вагоновъ для нижнихъ чиновъ, одного для аптеки и операціонной, и для сестеръ милосердія, одного для личнаго служебнаго персонала поѣзда, одного для прислуги и вагона-кухни. Кромѣ того, въ виду громаднаго наплыва раненыхъ, къ нему присоединили еще восемь

Комендантъ поѣзда капит. Рогаль-Левинскій, врачъ Ямпольскій, Фоменко, завѣд. хозяйствомъ Пчелкинъ, старшій врачъ Воронинъ, старшая сестра милосердія Чернолуцкая. Личный составъ 54 сибир. военно-санит. поѣзда, сформированнаго въ г. Кіевѣ. По фот. авт. «Нивы».

такъ-называемыхъ теплушекъ, т. е. товарныхъ вагоновъ, приспособленныхъ для перевозки больныхъ и раненыхъ.

Личный персоналъ поезда состоялъ изъ старшаго врача, двухъ младшихъ, класснаго медицинскаго чиновника, фармацевта, пяти сестеръ милосердія и тридцати санитаровъ и другой прислуги.

Старшею сестрою была Ольга Викторовна Нахимова, и я рѣдко встрѣчалъ болѣе удачный выборъ въ этомъ отношеніи. Рѣдкое *savoir vivre* и умѣнье говорить съ солдатами, и заручиться ихъ расположеніемъ—она соединяла съ искреннею любовью къ своимъ обязанностямъ. Составъ сестеръ и врачей былъ также чрезвычайно симпатичный, и всѣ видимо жили дружно и помогали другъ другу, такъ что дѣло помощи раненымъ было поставлено хорошо.

Вагоны были приспособлены прекрасно, въ офицерскомъ вагонѣ всѣ кровати были съ рессорами—такъ что треска въ нихъ переходила въ едва уловимое пріятное качаніе. Да и по самой системѣ почти всѣ вагоны были Пульмановскіе.

Съ нами отправилась также пассажиркою сестра милосердія

щесся въ головную часть шрапнели; съ помощью особаго механизма она устанавливается на известное число секундъ, смотря по тому, на какомъ разстояніи желательно дать разрывъ шрапнели.

Обѣ трубки были темныя отъ покрывавшей ихъ засохшей крови.

— Вотъ одна изъ нихъ,—сказалъ Беллюстинъ:—попала цѣлкомъ въ бедро одному стрѣлку, а другая въ спину близъ позвоночнаго столба. Когда я осматривалъ обоихъ раненыхъ, они были спокойны, не стонали даже, и оба съ аппетитомъ поужинали. Только жаловались, что у нихъ что-то большое въ тѣлѣ застряло. Когда перваго изъ нихъ принесли въ операціонную, я, осматривъ рану, былъ убѣжденъ сначала, что въ нее попалъ небольшой осколокъ, попробовалъ достать его рукой—скользнуть; тогда я взялъ щипцы—тоже самое; раскрылъ ихъ, пробуя—не могутъ захватить; сдѣлалъ разрѣзъ, снова пробуя—никакихъ результатовъ; еще расширю—тоже ничего. Долго я возился, пока, наконецъ, не вытащилъ. Взялъ въ руки и обмеръ:—цѣлая дистанціонная трубка! У другого—то же самое.

— Ну, и что же, раненые эти выжили?—спросилъ я.

Лазаретъ русскихъ женщинъ для раненыхъ воиновъ, устроенный въ Петербургѣ (на углу Каменноостровскаго просп. и Архіерейской ул.).
По фот. авт. «Нивы».

графиня Кайнисть, завѣдывавшая Екатеринбургскимъ отрядомъ и пріѣзжавшая просить генерала Линевица перевести ея отрядъ въ Хабаровскъ поближе къ театру военныхъ дѣйствій, такъ какъ его назначили на станцію Урульгу близъ Читы. Графиня Кайнисть самоотверженно работала всю прошлую войну въ госпиталяхъ. Такъ и не разъ подвергалась смертной опасности, помогая при операціяхъ покойному доктору Куковѣрову, такъ какъ фанза, гдѣ онъ производился, не разъ навѣдалась китайскими гранатами.

Санитарный поездъ № 12-й принималъ раненыхъ прямо съ поля сраженія подъ Ляояномъ, и мнѣ рассказывали врачи и сестры, что картина боя была такова, что, конечно, они никогда ея не забудутъ. Всѣ горы и долины какъ бы дымилась отъ снарядовъ; въ воздухѣ стоялъ неумолкаемый ихъ грохотъ, это былъ сущій адъ; казалось, что никто не можетъ выйти живымъ изъ этой вакханаліи смерти. Многіе раненые, приносимые въ поездъ, умирали у вагоновъ. Весь путь отступленія нашихъ войскъ былъ ими запруженъ, и тѣмъ не менѣе вся эта масса людей, лошадей, орудій и повозокъ лилася стройнымъ потокомъ безъ шума, суеты и замѣшательства.

Нѣкоторыя раны, по словамъ доктора Беллюстина, къ слову сказать—выдающагося хирурга, были прямо ужасны на видъ и по существу, и тѣмъ не менѣе солдаты выживали послѣ очень трудныхъ и рискованныхъ операцій.

— Да вотъ, постоите, я вамъ иллюстрирую сейчасъ все сказанное нагляднымъ примѣромъ,—прервалъ свое повѣствованіе за чаемъ въ столовой Беллюстинъ и прошелъ въ купѣ. Черезъ минуту онъ вернулся оттуда и положилъ передо мною двѣ дистанціонныя трубки.

Надо пояснить, что дистанціонною трубкою называется мѣдное массивное, вѣсомъ фунта въ четыре, приспособленіе, ввинчиваю-

— Вообразите, пока доѣхали до Харбина, температура спала, и ходъ болѣзни опредѣлился совсѣмъ желательный.

— А вотъ осколокъ бризантной гранаты,—и докторъ вынулъ изъ завернутой бумажки маленькій кусочекъ неправильной формы съ острыми изломами.—Такихъ приходилось доставать у одного раненаго шугу по двадцати и болѣе.

Разговоръ перешелъ на пулевые раны, и докторъ привелъ мнѣ цѣлый рядъ удивительныхъ примѣровъ.

— Вотъ пуля,—показалъ мнѣ онъ одну деформированную:—которая произвела три раненія въ одномъ и томъ же человѣкѣ.

— Это какимъ же образомъ?—невольно удивился я.

— Очень просто: солдатъ стоялъ на брустверѣ окопа на одномъ колѣнѣ. Другая нога вынесена впередъ и подогнута. Пуля ударила въ камень и отъ рикошета отскочила подъ угломъ вверхъ, ударила въ икру, пронизала ее, потомъ въ ляжку и ее также пробила и ударила въ бокъ, гдѣ и застряла. Какова же сила удара, что онъ, сильно замедленный ударомъ въ камень, пробилъ такую толщину тѣла! Раненый эту пулю виѣ всякой опасности.

Было нѣсколько раненій въ голову насквозь черезъ мозгъ, и пациенты выживали.

Затѣмъ я замѣтилъ,—продолжалъ Беллюстинъ:—что, какъ только японцы ввели въ дѣло резервныя войска со старымъ вооруженіемъ, раны стали много тяжелѣе.

— Ну, какъ же слагается ваша служба на санитарномъ поездѣ?—спросилъ я Беллюстина.

— Теперь мы отдыхаемъ,—отвѣтилъ онъ:—но не совсѣмъ, потому что идетъ страшная возня съ отчетностью, и въ ней проходитъ все время возвращенія въ обратный путь за новымъ транспортомъ раненыхъ. Тогда начинается тотчасъ работа, и уже не покладая рукъ.

Прежде всего надо всёх разбѣсить. Это трудъ не легкій съ тяжело ранеными, которыхъ надо подавать въ носилкахъ и съ трудомъ пронести въ дверяхъ. Затѣмъ нужно всёх обмыть, переодѣть, накормить, вновь перевязать, и тогда я приступаю къ осмотру и операціямъ. Нѣкоторыхъ нельзя съ мѣста тронуть и нести въ операціонную, и тутъ является много неудобствъ. Койки у насъ подвѣшены въ два ряда. Съ тѣми, кто лежитъ внизу, приходится работать на колѣняхъ, а кто наверху,—становится на табуретъ или на стулъ. Согласитесь, что положеніе для оперирующаго врача въ обоихъ случаяхъ не нормальное, и изъ него есть единственный выходъ, такъ какъ надъ этимъ вопросомъ я долго ломалъ голову: это—устроить въ каждомъ вагонѣ тяжело раненыхъ свою операціонную. Да, много есть такого еще, что слѣдовало бы усовершенствовать и что выясняется только на практикѣ и ускользаетъ отъ теоріи,—закончилъ свой интересный разсказъ Беллостинъ.

До Харбина мы доѣхали довольно быстро—въ четыре дня.—и я, къ великому своему удовольствію, могъ съ большой пользой провести это время, такъ какъ писать было вполне возможно благодаря большому столу и незначительной тряскѣ. Мало того, О. В. Нахимова и графиня Кацнельнъ вызвались мнѣ помогать и переписывать, что нужно, такъ что офицерскій вагонъ, въ которомъ мы трое усердно стучали, принялъ видъ рабочаго кабинета.

По дорогѣ мы то и дѣло встрѣчали санитарные поѣзда, переполненные больными и ранеными, которыхъ сдавали въ госпитали въ Гродековѣ, Никольскѣ и Хабаровскѣ. Всѣ эти пункты являлись прекрасными санитарными станціями, и къ нимъ и отъ нихъ обратно

хажь... Съ особенною силою эти надежды, ожиданія и слухи возникаютъ послѣ каждой серьезной неудачи русскаго оружія: такъ, сдача Портъ-Артура, проигранное сраженіе подъ Мукденомъ и, наконецъ, пораженіе при Цусимѣ вызвали цѣлый взрывъ толковъ о мирѣ въ иностранной и нашей печати. Благодаря вмѣшательству полномочныхъ представителей пятой великой державы—прессы, и содѣйствію биржевыхъ сферъ, умѣло учитывающихъ распространеніе политическихъ слуховъ въ смыслѣ игры на повышение или на пониженіе различныхъ фондовъ—толки эти въ послѣднее время принимали въ высшей степени конкретныя формы: изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ сообщалось о дружескомъ посредничествѣ то Франціи, то Англіи, то Германіи, то Соединенныхъ Штатовъ. Особенно много сенсационныхъ утокъ разлетѣлось по бѣлому свѣту изъ С. Америки. Геніальные репортеры великой заатлантической республики, въ подтвержденіе справедливости тайныхъ переговоровъ о мирѣ, которые они дѣлали явными, сообщили о каждой встрѣчѣ президента Рузвельта съ японскимъ посланникомъ; когда же президентъ отправился изъ Бѣлаго Дома на охоту, отымая, такимъ образомъ, почву изъ-подъ ногъ распространителей сенсационныхъ слуховъ, то послѣдніе поспѣшили вложить ему въ уста многозначительную фразу о готовности тотчасъ же вернуться въ Нью-Йоркъ при первомъ извѣстіи о начатіи дипломатическихъ переговоровъ. Вѣроятно, на благородной тревогѣ челоуѣчества немало зарабатываетъ и биржа, и изобрѣтательный репортажъ, но уже самое обиліе слуховъ о мирѣ, несомнѣнно, всего сильнѣе свидѣтельствуетъ о всеобщей жаждѣ мира, о страстномъ

Группа офицеровъ 24 восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка во главѣ съ командиромъ, флигель-адъютантомъ полковн. П. А. Лечицимъ (1).
По фот. авт. «Нивы».

или цѣлые транспорты больныхъ и выздоравливающихъ. Эта безконечная смѣна давала, напримѣръ, такія цифры: — за послѣдній періодъ времени больныхъ и раненыхъ было вывезено изъ арміи до пятидесяти тысячъ челоуѣкъ, а тридцать тысячъ изъ нихъ уже обратно вернулись въ строй совершенно здоровыми.

По дорогѣ сильно чувствовалась разница между Уссурийскимъ краемъ и Южной Манчжуріей, въ смыслѣ климата. На югѣ еще дозрѣвалъ гаолянъ, а здѣсь всѣ деревья уже потеряли свою зелень и окрасились всевозможными тонами отъ ярко краснаго до золотистаго. Получался въ общемъ чарующій осенній пейзажъ, который, если бы перенести его на полотно, вызвалъ бы полное недоверіе зрителей, непременно бы заявившихъ, что художникъ черезчуръ фантазировалъ.

Въ Харбинѣ мы прибыли на зарѣ, и насъ сразу охватилъ шумъ просыпающагося къ жизни большого города, въ которомъ на каждомъ шагѣ чувствовалась тягота военной грозы.

Харбинъ.

Ю. Елецъ.

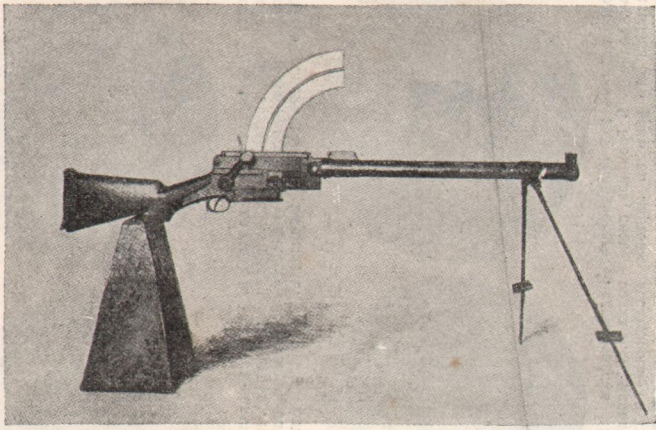
Къ толкамъ о мирѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Нынѣшняя война отъ всёхъ предшествовавшихъ больше всего отличается тѣмъ, что почти сплошь проходитъ подъ непрерывный аккомпанементъ безконечныхъ толковъ о мирѣ. Толки эти иногда пріобрѣтаютъ совершенно фантастическій характеръ; напр., долговременное бездѣйствіе враждующихъ арміи на Шахѣ породило вздорную, передававшуюся изъ устъ въ уста, легенду о томъ, будто бы между Оямой и Куропаткинымъ состоялось тайное соглашеніе не губить солдатъ въ безплодныхъ кровопролитіяхъ и разыгрывать безкровную пантомиму войны, не прибѣгая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Ужасныя сцены массоваго взаимострѣбленія, совершающагося на Дальнемъ Востокѣ, какъ тяжелый кошмаръ, давятъ совѣсть челоуѣчества, и большая мысль, неспособная осилить такую тяжелую и мрачную дѣйствительность, ищетъ отдыха въ миролюбивыхъ надеждахъ и самыхъ легкомысленныхъ слу-

и напряженномъ ожиданіи вождѣннаго конца мучительной и кровопролитной войны.

Война ужасна, и миръ необходимъ, какъ воздухъ, какъ свѣтъ солнца, какъ хлѣбъ насущный, но что же дѣлать? Для того, чтобы воспользоваться благами желаннаго мира, его надо раньше заработать, какъ тотъ же насущный хлѣбъ. Если мы спустимся съ туманной выси заоблачныхъ грѣзъ на грѣшную землю и оглянемся на реальныя условія современной международной жизни, то намъ станетъ ясно, что, при агрессивномъ настроеніи побѣдоносной Японіи, миръ уже не зависитъ отъ одной нашей воли. Быть-можетъ, мы въ тайникахъ души своей и готовы были бы уже отказаться отъ прежней роли въ Манчжуріи, но—увъ!—теперь дѣло идетъ уже не о Манчжуріи, а о Сахалинѣ, Восточномъ побережьи, о контрибуціи, о давнихъ владѣніяхъ Россіи. Миръ во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣной называется уже не миромъ, а капитуляціею цѣлаго государства, но, пока невозможность дальнѣйшаго сопротивленія еще не ясна, никто изъ русскихъ людей не захочетъ добровольно склонить покорно голову, всѣ искренно желаютъ мира, а не позорной сдачи. Повторяемъ, миръ нужно заработать честнымъ трудомъ, купить цѣною огромнаго напряженія національной энергіи—и чѣмъ большій запасъ внутренней мощи обнаружитъ Россія, чѣмъ больше готовности къ дальнѣйшей борьбѣ проявитъ она, тѣмъ ближе будетъ къ намъ сладкій часъ искреннаго и полного примиренія съ сегодняшнимъ врагомъ. Франція сдалась на [всѣ требованія Висмарка только послѣ того, какъ увидѣла совершенно истощенными всѣ ресурсы для продолженія борьбы и окончательно утратила всякую надежду на побѣду. Каковы бы ни были наши неудачи въ настоящей войнѣ, Россія не находится еще въ столь безнадежномъ положеніи, а слѣдовательно, русская дипломатія была бы не въ правѣ возложить на свой народъ уплату японцамъ миллиардной контрибуціи и отторгнуть отъ его владѣній Сахалинъ и Приморскую область. Россія хочетъ мира, но не позорной капитуляціи, и если въ рѣшеніяхъ дипломатическаго вѣдомства будетъ допущена или даже только принята во вниманіе воля народа, такая капитуляція, при внутреннемъ гражданскомъ обновленіи страны, сдѣлается фактомъ, исторически невозможнымъ.

Усовершенствованная митральеза. Ружье Рексера, приготовленное къ стрѣльбѣ.

Въ рѣшеніи вопроса: миръ или война?—мы должны руководствоваться только соображеніями собственныхъ интересовъ и завѣтами собственнаго миролюбія. Мирюлюбія пожеланія нашихъ зарубежныхъ друзей, въ родѣ французскихъ капиталистовъ, любезно выразившихъ устами «Темра» готовность ссудить намъ 4 миллиарда франковъ на уплату контрибуцій, или бывшаго товарища англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ сэра Чарльза Дилка, предлагавшаго, въ видѣ мирныхъ условий, обязать насъ срыть укрѣпленія Владивостока и не допустить занятія японскими войсками Портъ-Артура, т. е. обезсилить и Японію, и Россію въ Тихомъ океанѣ въ интересахъ самой Англій—всѣ эти пожеланія «третьихъ лицъ» не должны ни на одинъ шагъ отклонять насъ въ сторону съ прямого пути реальныхъ интересовъ русскаго народа. Ходяія фразы, въ родѣ изреченія, что, продолжая войну, Россія будетъ воевать уже не съ Японіей, а съ общественнымъ мнѣніемъ цѣлой Европы,—едва ли могутъ смутить тѣхъ, кто служитъ не «общественному мнѣнію Европы», въ высшей степени эластичному, когда дѣло касается ея собственныхъ интересовъ, а своей родной странѣ. Изъ-за поощрительныхъ улыбокъ и ласковыхъ взоровъ Европы было бы грѣшно идти на уступки, неоправданныя крайнею необходимостью, и обременять свой народъ уплатой миллиардныхъ контрибуцій. Россія хочетъ не разорительной—въ моральномъ, политическомъ и финансовомъ смыслѣ—капитуляціи, а честнаго мира и, пробужденная къ гражданской жизни, внутренно обновленная пережитыми испытаніями, она сумѣетъ заработать себѣ почетный миръ.

Ясновидящая.

(Картина Габріэля Макса).

(Рис. на стр. 445).

Наука о человѣческой душѣ сдѣлала за послѣднее время огромные успѣхи, открывъ и изслѣдовавъ много такихъ явленій въ психической жизни человѣка, которые считались прежде или наводженіемъ діавола, или необъяснимымъ чудомъ.

Вспомнимъ, напримѣръ, о гипнозизмѣ, о раздвоеніи человѣческаго «я», когда, буквально въ одномъ тѣлѣ живутъ два совершенно различныхъ по характеру и духу человѣка, вспомнимъ далѣе о такъ-называемомъ «вызываніи духовъ» (стучащій столикъ, блюдечко и т. п.), когда совершенно произвольно и независимо отъ воли человѣка работаетъ какое-то другое его сознание, создавая цѣлыя фантастическіе разговоры и даже повѣсти. Вспомнимъ, наконецъ, о чтеніи мыслей, о ясновидящихъ. Психологи и психіатры съ успѣхомъ работаютъ надъ изслѣдованіями этихъ странныхъ и необычныхъ явленій, и уже многое ими объяснено, и многое даже примѣняется на практикѣ къ леченію: такъ, въ настоящее время многія болѣзни съ огромнымъ успѣхомъ излѣчиваются простымъ гипнотическимъ внушеніемъ. То же самое было съ электричествомъ: тайная вначалѣ и грозная сила природы—оно было потомъ изслѣдовано, изучено и теперь служитъ человѣчеству въ самомъ разнообразномъ примѣненіи.

Одно изъ подобныхъ странныхъ душевныхъ состояній изображено на картинѣ извѣстнаго художника Г. Макса: «Ясновидящая». Предъ нами женщина, находящаяся въ такъ-называемомъ «трансѣ», т. е. въ томъ душевномъ состояніи, когда затмевается ея нормальное обиденное сознание, и начинаетъ зато работать какое-то другое сознание, обыкновенно таящееся гдѣ-то въ глухихъ закоулкахъ души. Въ такомъ состояніи она видитъ, слышитъ и чувствуетъ то, чего она не въ состояніи видѣть, слышать и чувствовать при нормальныхъ условіяхъ. Нечего и говорить, конечно, что такую способностью «ясновидѣнія» обладаютъ лишь рѣдкія лица, отличающіяся особой нервной восприимчивостью.

Иллюстрація къ „Мѣдному Всаднику“.

(Рис. на стр. 448).

Нашъ извѣстный художникъ Бенуа предпринялъ цѣлый рядъ иллюстрацій къ поэмѣ Пушкина «Мѣдный Всадникъ». Можно съ

полнымъ правомъ назвать эти иллюстраціи: «Петербургъ при Пушкинѣ»,—такъ живо, колоритно и ясно изображаетъ онъ въ нихъ нашу столицу того времени, когда въ ней жилъ великій поэтъ, прославившій ее въ строфахъ «Мѣднаго Всадника»:

«Люблю тебя, Петра творенье»...

Воспроизводимый въ настоящемъ № «Нивы» рисунокъ Бенуа иллюстрируетъ извѣстный стихъ: «Люблю воинственную живость потѣшныхъ марсовыхъ полей». Наши читатели, конечно, сразу вспомнятъ, глядя на этотъ рисунокъ, хорошо знакомую картину майскаго парада: тѣнистыя деревья Лѣтняго сада, подмостки съ тысячами зрителей, памятникъ Суворову, окруженный волнами тѣсно двигающейся толпы, и необозримые ряды «пѣхотныхъ ратей и копей» съ ихъ «однообразной красотью». И только костюмы—шляпы, «болivarы», косички и кивера—говорятъ намъ о томъ, что эта знакомая намъ картина взята не изъ нашего времени, а изъ эпохи нашихъ предковъ.

Произведенія А. С. Пушкина, равно какъ и другихъ знаменитыхъ нашихъ писателей, почему-то крайне неохотно иллюстрируются нашими богѣе или менѣе извѣстными художниками. И поэтому нельзя не поставить г. Бенуа въ особую заслугу его иллюстраціи къ великому русскому поэту: долженъ же, наконецъ, хоть А. С. Пушкинъ найти достойнаго иллюстратора, если ужъ это такъ трудно и недостижимо для другихъ нашихъ писателей!

Усовершенствованная митральеза. (Съ 2 рис. на этой стр.).

Усовершенствованіе смертоносныхъ орудій идетъ все впередъ и впередъ. Еще не успѣли мы достаточно надивиться страшному дѣйствію пулеметовъ, «поливающихъ противника какъ бы струею пуль», какъ намъ говорятъ уже о новомъ техническомъ изобрѣтеніи, которому, какъ кажется, суждено превзойти все до сихъ поръ извѣстное въ дѣлѣ истребленія человѣчества.

Рѣчь идетъ о такъ-называемомъ «ружьѣ-митральезѣ Рексера». Датскій инженеръ Рексеръ придумалъ особое ружье, способное выпускать въ одну минуту (при нѣкоторомъ навыкѣ стрѣляющаго) до 300 пуль. Англійскій король Эдуардъ VII, во время своего послѣдняго визита въ Данію, присутствовалъ при опытахъ съ ружьемъ Рексера и остался до такой степени доволенъ его чудодѣйственными качествами, что рѣшилъ немедленно ввести его въ англійской арміи. Говорятъ, что Японія тоже вводитъ у себя эти же «рексеры». Не мѣшало бы, конечно, обзавестись ими и нашей арміи.

«Рексеръ» представляетъ собою нѣчто въ родѣ большаго мшкетета, и размѣры его въ общемъ настолько незначительны, что дѣйствовать имъ можетъ одинъ человѣкъ безъ всякой прислуги. Всѣ его едва достигаютъ 8 килограммовъ, и любой пѣхотинецъ легко можетъ нести его на перевязи, а кавалеристъ—прицѣпивъ его къ луцкѣ сѣдла. Запасъ патроновъ для «рексера»—въ 8000 штукъ—свободно умѣщается на выюкѣ одной лошади.

Характерную особенность «рексера» составляетъ его «магазинъ», т. е. помѣщеніе для патроновъ во время стрѣльбы. Магазинъ этотъ имѣетъ вѣерообразную внѣшность и прикрепляется надъ ружьемъ въ видѣ двухъ рогаковъ. Ружье снабжено особымъ штативомъ, служащимъ для того, чтобы опираться на него во время стрѣльбы дуло. При стрѣльбѣ стрѣляющій ложится на животъ на землю, упираетъ прикладъ о плечо, и затѣмъ ему стоить только задѣть за спускъ, и въ теченіе какихъ-либо двухъ секундъ уже опораживается весь магазинъ, содержащій 25 патроновъ. Выстрѣлы слѣдуютъ одинъ за другимъ съ молниеносной быстротой.

Но выстрѣлы, при желаніи, могутъ слѣдовать одинъ за другимъ и съ нѣкоторыми промежутками, если стрѣляющій, напримѣръ, захочетъ получше прицѣлиться. Характерною особенностью «рексера» является также еще и то, что онъ совсѣмъ не имѣетъ отдачи, и разъ взятый прицѣлъ не сбивается сотрясеніями выстрѣла.

Вообще, изъ всѣхъ современныхъ митральезъ, включая сюда извѣстныя орудія «Максима» и пресловутые пулеметы, ружье Рексера является самымъ лучшимъ, какъ по легкости употребленія, такъ и по силѣ дѣйствія, и ему можно предсказать блестящую карьеру въ жестокихъ войнахъ ближайшаго будущаго.

Усовершенствованная митральеза. Кавалеристъ, вооруженный ружьемъ Рексера, и лошадь, навьюченная патронами къ этому ружью.

Капит. 27-го вост.-сиб. стр. полка С. З. Боболовский, состоявший во все время осады Порт-Артура, на Зеленьях Горях ранен в ногу на вылеть.

Штабс-капитан 15 вост.-сиб. стрелк. полка П. А. Шел-ковниковъ, защитникъ Порт-Артура.

Поручикъ 15 вост.-сиб. стр. полка С. Н. Гудковъ, пробивши все время осады в Порт-Артуръ; былъ контуженъ.

Подпоручикъ 15 вост.-сиб. стрелк. полка П. В. Дамиковский, защитникъ Порт-Артура, контуженъ въ голову и бедро.

Подпоручикъ артиллерии А. Юзефовичъ, защитникъ Порт-Артура.

Лейтенантъ П. Г. Веселого, защитникъ Порт-Артура.

Техникъ В. С. Терпино-Палицкы, отправившись на джонку изъ Порт-Артура в Чифу и потопив во время штурма.

Подполковникъ 213 оровянского пех. полка Д. Г. Грандадь, скончавшийся отъ ранъ въ мартовъ-апрельскыя бои.

Подполковникъ 18 стрелкового пех. полка А. К. Бринкъ, убитый въ последнйхъ бояхъ подъ Мукденомъ.

Капит. 287 гвард. полка Д. В. Трофименко, награжд. орд. св. Анны 3 ст. съ мечами и бантою, убитъ на Бейдалинскомъ перевалѣ 14 февр. 1905 г.

Капитанъ 8 томскаго сиб. пех. полка Ф. А. Новиковъ, раненый и контуженъ въ бою на Туминглинскомъ перевалѣ у Шаха.

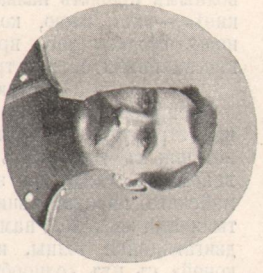
Шт.-кап. 213 оровянского полка Б. Г. Горюдецкий, раненый въ последнйхъ бояхъ годъ Мукденомъ.

Шт.-капит. 285 миенскаго пех. полка К. К. Давыдовъ, раненый въ последнйхъ бояхъ подъ Мукденомъ.

Шт.-кап. 87 нейшлотскаго пех. полка Д. И. Вучыцъ, раненый въ последнйхъ бояхъ подъ Мукденомъ.

Шт.-капит. 216 инсарскаго пех. полка Д. Н. Сатурновъ, раненый въ последнйхъ бояхъ подъ Мукденомъ.

Капитанъ 214 мошанскаго пех. полка З. Н. Артемьевъ, раненый подъ Мукденомъ въ мартовскихъ бояхъ.

Поручикъ 8 томскаго пехотнаго полка П. М. Марковъ, убитый въ последнйхъ бояхъ подъ Мукденомъ.

Поручикъ 34 вост.-сиб. стр. полка А. В. Владимировъ, убитый въ январскихъ бояхъ.

Поручикъ 147 самарскаго пехотнаго полка Ф. И. Тихоновъ, убитый въ бояхъ подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 122 тамбовскаго пехотнаго полка П. П. Тереховъ, убитый въ последнйхъ бою подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 124 воложенскаго полка В. З. Томе, дважды раненый въ бояхъ подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 216-го инсарскаго пех. полка А. Б. Семеновъ, раненый въ последнйхъ бояхъ подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 11 псковскаго пех. полка Н. Н. Хохловъ, раненый 19 февраля 1905 года при дер. Линьшинь.

Подпор. де дндроповскаго пех. полка М. Н. Самаринъ, раненый въ оба ноги пулями на вылетъ и въ правую ногу снайперомъ гранатами, въ последнйхъ бою подъ Мукденомъ, въ плечу.

Подпоручикъ 17 вост.-сиб. стрелк. полка Н. Ф. Горововъ, участв. въ бояхъ и скончавшійся въ кандалескѣ 8 февр. 1905 г.

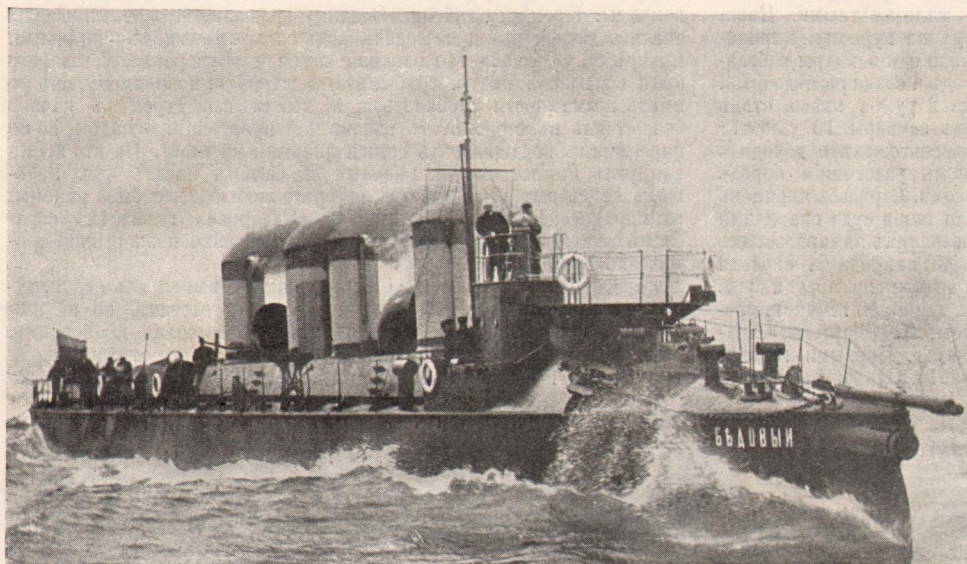
Подпоручикъ 34 вост.-сиб. стр. полка Н. Н. Гудковъ, раненый въ январскихъ бояхъ и награжденъ орд. св. Анны 4 ст. и Станислава 3 ст.

Подпоручикъ 59 любинскаго пех. полка П. П. Парский, убитый въ последнйхъ бояхъ подъ Мукденомъ.

Прапорщикъ 216 инсарскаго пех. полка Б. В. Варьявильский, убитый въ последнйхъ бояхъ подъ Мукденомъ.

Миноносець „Бдвовый“, на которомъ находился раненый въ началѣ Цусимскаго боя вице-адмиралъ Рожественскій; взятъ въ плѣнъ японскими миноносцами.
По фот. Апостоли (копіи воспрещ.), авт. «Нивы».

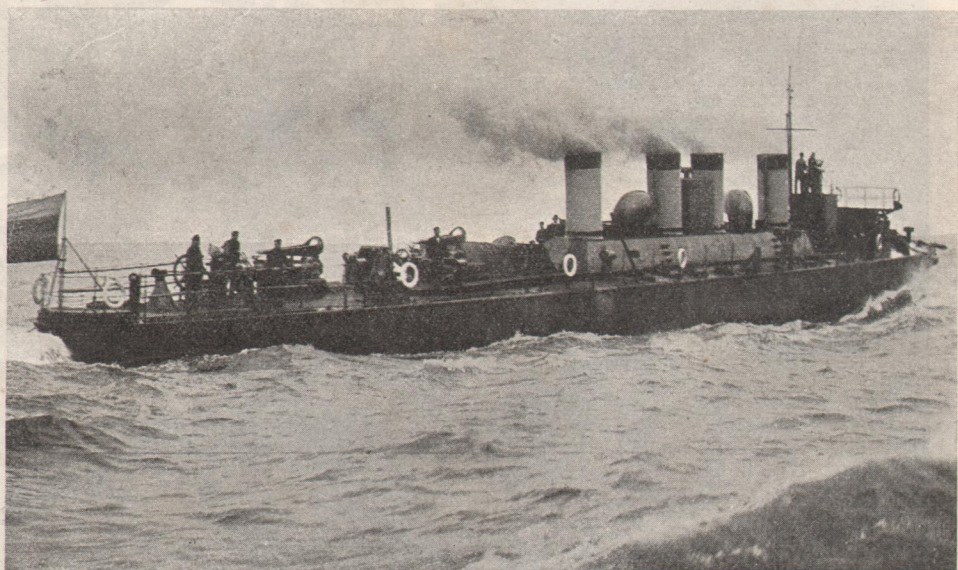
Цусимскій бой и мирныя вѣсти.

(Съ 5 рис. на стр. 457, 458 и 459).

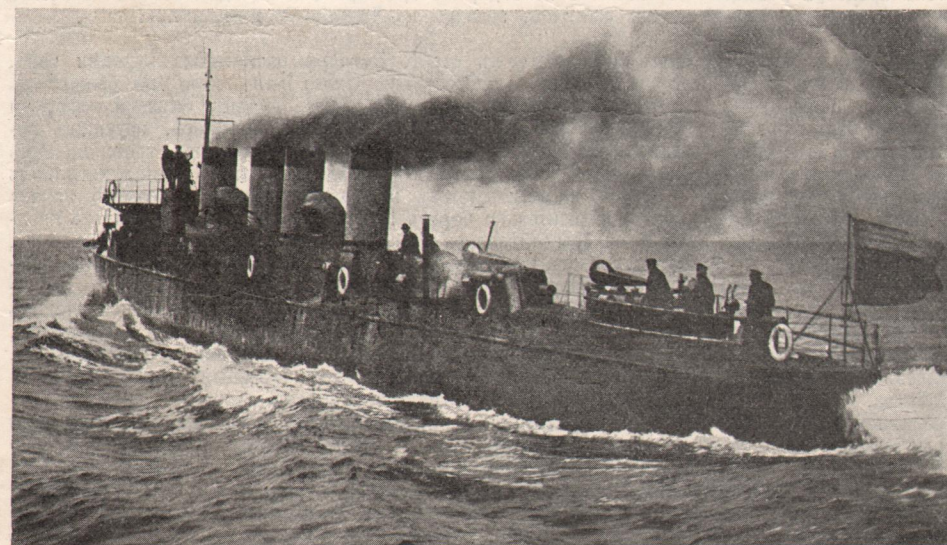
Страшная картина гибели нашей много-страдальной 2-й эскадры остается на половину задержанной траурнымъ флеромъ.

Даже тѣ, кто пережилъ это страшное событіе, видѣли не все его, въ полной его совокупности, а только отдѣльные эпизоды, и притомъ съ узкой и ограниченной точки своего кругозора.

Суммируя всѣ официально подтвержденные данныя, мы теперь можемъ съ достовѣрностью сказать, что изъ всего флота, приведеннаго Рожественскимъ и Небогатовымъ къ корейскимъ водамъ, прорвались во Владивостокъ лишь «Алмазъ» и два миноносца. Крейсера «Олего», «Жемчугъ» и «Аврора» дошли съ поврежденіями до Маниллы и тамъ, согласно законамъ нейтралитета, разоружены. Крейсеръ «Изумрудъ» прорвался было сквозь цѣпь японскихъ судовъ, но потерпѣлъ аварію и взорванъ своимъ командиромъ. Четыре броненосца захвачены въ плѣнъ, а всѣ остальные боевыя единицы флота погибли въ водахъ океана во время боя. Относительно обстоятельствъ гибели однихъ изъ нихъ есть точныя свѣдѣнія; относительно же другихъ такихъ свѣдѣній еще не имѣется.

Миноносець „Грозный“, пробившійся послѣ Цусимскаго боя во Владивостокъ.
По фот. Апостоли (копіи воспрещ.), авт. «Нивы».

Миноносець „Бравый“, пробившійся послѣ Цусимскаго боя во Владивостокъ.
По фот. Апостоли (копіи воспрещ.), авт. «Нивы».

Единственную подробную и обстоятельную картину боя 14 мая даетъ всеподданнѣйшая телеграмма генерала Ливенчика отъ 28 мая. Главнокомандующій сообщаетъ въ ней все то, что онъ могъ «выяснить изъ представленныхъ письменныхъ донесеній командировъ крейсера «Алмазъ» и миноносцевъ «Грозный» и «Бравый» и личного доклада флигель-адъютанта Чагина, а равно и со словъ лейтенанта Саблинова и другихъ офицеровъ, спасенныхъ съ «Осляби».

«Вечеромъ 12 мая, сообщаетъ—ген. Ливенчикъ:—крейсеръ «Ураль» обнаружилъ переговоры непріятеля по беспроволочному телеграфу. 14 мая утромъ эскадра генералъ-адъютанта Рожественскаго въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ, имѣя транспорты по срединѣ, подходила къ восточному Корейскому проливу. Въ лѣвой колоннѣ шли броненосцы, въ правой—крейсера. Въ 7-мъ часу утра увидѣли на правомъ траверзѣ крейсеръ «Идзуми», шедшій почти параллельнымъ курсомъ съ эскадрой. Въ одиннадцатомъ часу усмотрѣли слѣва на траверзѣ отрядъ крейсеровъ «Касаги», «Ниптаки», «Читоза», «Тсусима», идущіе сходящимися курсами по направленію въ проливъ. Въ

это время «Владиміръ Мономахъ» по сигналу перешелъ на правый траверзъ транспортовъ и открылъ огонь по «Идзуми», который, отвѣчая ему, скрылся во мгль.

«Въ 11 час. 20 мин. 2-й броненосный отрядъ по сигналу открылъ огонь по японскимъ крейсерамъ, причемъ было замѣчено попаданіе въ крейсеръ «Ниптака» или «Тсусима». Японцы отвѣчали на огонь, повернули влѣво и скрылись въ туманѣ. Въ 11 час. 40 мин. 2-й и 3-й броненосные и крейсерскій отряды выстроились въ одну кильватерную колонну по 1-му броненосному отряду, имѣя транспортный и развѣдочный отрядъ съ правой стороны. Въ полдень измѣнили курсъ на нордъ-остъ 23, и 1-й броненосный отрядъ отдѣльно уклонился немного вправо въ строѣ кильватера, на разстояніи 3 кабельтовыхъ. Въ 1 часъ 20 минутъ развѣдочный непріятельскій отрядъ опять показался слѣва, повидимому, иди на соединеніе съ главными силами. Въ 1 часъ 40 минутъ показалась непріятельская эскадра, состоящая изъ 4 броненосцевъ и крейсеровъ «Якумо», «Ниссинъ», «Кассуга», «Ивате», «Идзумо», «Адзума» и нѣкоторыхъ другихъ судовъ, всего 18 кораблей, шедшихъ большимъ ходомъ навстрѣчу. Туманъ уже разсѣялся, но горизонтъ былъ

мглистый, вѣтеръ южный 5 балловъ. Сѣровая окраска японскихъ судовъ, сливаясь съ мглой, дѣлала ихъ малозамѣтными. Наша эскадра открыла огонь, продолжая идти тѣмъ же курсомъ, а транспорты уклонились на 4 румба вправо и отошли отъ эскадры кабельтовыхъ на 15, имѣя слѣва крейсерскій отрядъ и сзади развѣдочный. Первый броненосный отрядъ, повернувъ на 2 румба влѣво, сталъ во главѣ второго броненоснаго отряда. Ходъ эскадры 10 узловъ.

«Бой начался съ разстоянія 60 или 70 кабельтовыхъ и доходилъ до 20 кабельтовыхъ. Непріятель на большомъ разстояніи передъ носомъ повернулъ влѣво и легъ контръ-курсомъ. Стрѣльба японцевъ была очень мѣткая, они буквально засыпали наши суда снарядами и сосредоточили огонь преимущественно на нашихъ адмиральскихъ и головныхъ корабляхъ, стрѣляли фугасными снарядами, сносили трубы, рангоутъ и всѣ надстройки, производили пожары и уже послѣ этого начинали громить бронебойными снарядами. Маневрированіе нашей эскадры стѣснялось присутствіемъ транспортовъ: «Анадирь», «Иртышъ», «Корей», «Русь» и «Свирь». Первыми пострадали изъ броненосцевъ «Ослябя» и «Суворовъ». Одинъ изъ выстрѣ-

скій, Колокольцовъ, мичманъ князь Ливень, Шиповаловъ, много команды. Къ мѣсту гибели «Ослябя» подошли четыре миноноса спасать людей, что производили подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Вскорѣ за «Ослябя» вышелъ изъ строя и «Суворовъ», у котораго были сбиты обѣ мачты, трубы, всѣ надстройки; повидимому, онъ не имѣлъ возможности управляться, и, выйдя изъ строя въ началѣ боя, стоялъ въ сторонѣ отъ района маневрированія эскадры, но не переставалъ поддерживать самый энергичный огонь. Въ это время адмиралъ Рожественскій, раненый въ самомъ началѣ боя, перешелъ со своимъ штабомъ, изъ котораго многіе тоже были ранены, на миноносецъ «Буйный». вмѣсто «Суворова» головнымъ кораблемъ эскадры сталъ «Бородино», который лихо и энергично продолжалъ вести бой.

«Около 4-хъ часовъ дня «Сисой Великій», выйдя изъ строя, тушилъ большой пожаръ въ носовой и средней частяхъ, но не переставалъ стрѣлять и оказалъ поддержку концевымъ крейсерамъ, обстрѣливая легкіе японскіе крейсера, старавшіеся отрѣзать наши транспорты и крейсера; потушивъ пожаръ, «Сисой Великій» за-

Группа офицеровъ пробившагося во Владивостокъ крейсера „Алмазь“ и адмираломъ Энkvистомъ. По фот. Квара, снятой въ Ревелѣ во главѣ съ командиромъ крейсера флигель-адъютантомъ Чагинымъ передъ отбитіемъ эскадры на Дальній Востокъ, авт. «Нивы».

ловъ въ «Ослябя» попалъ слѣва въ жилую палубу, близъ носовой переборки. Черезъ пробину вода попала въ первый и второй отсѣки, черезъ трещины въ палубѣ и разбитыя вентиляторныя трубы въ носовой шестидюймовой погребе и подбашенное отдѣленіе. Задѣлка пробины, вслѣдствіе зыби и хода, была невозможна, дальнѣйшее распространеніе воды по жилой палубѣ было задержано третьей переборкою впереди носового траверза, а внизу вода дошла до отдѣленія носовыхъ аппаратовъ и динамо-машинъ. Новый снарядъ, попавшій съ лѣвой же стороны въ десятую угольную яму, пробивъ броню, затопилъ запасную крѣйту-камеру. Кренъ и дифферентъ на носъ увеличились. Для выпрямленія начали затоплять правые патронные погреба, что происходило медленно, вслѣдствіе малаго сѣченія клапановъ. Въ это время были сбиты стѣнги, и въ носовую башню попало три крупныхъ снаряда, первый повредилъ установку, третій, влетѣвъ въ амбразуру, вывелъ всю прислугу, тяжело ранилъ командира башни мичмана Майкова.

«Около 3 часовъ, вслѣдствіе увеличенія крена, вода стала вливаться черезъ борта нижней батареи, которые нельзя было задрать, такъ какъ полупортки были перебиты. Незадолго до гибели, эскадра уклонилась немного вправо. «Ослябя» вышелъ изъ строя и около 3 часовъ пошелъ ко дну, перевернувшись килемъ вверхъ. Въ моментъ гибели на мостикѣ находились командиръ капитанъ 1 ранга Беръ, капитанъ 2 ранга Генке, лейтенантъ Саблинъ, прапорщикъ Бодыревъ. Въ середнѣй бой были ранены старшій офицеръ капитанъ 2 ранга Похвисневъ, подполковникъ Осиповъ, лейтенанты: Косни-

нялъ свое мѣсто въ стрѣб. Эскадра располагала курсами такъ, чтобы прикрывать «Суворова». Около 5-ти часовъ на броненосцѣ «Императоръ Александръ III» былъ виденъ большой пожаръ и кренъ, броненосецъ вышелъ изъ строя, но вскорѣ, потушивъ пожаръ и выправивъ кренъ, снова занялъ мѣсто въ стрѣб; въ 8-мъ часу броненосецъ держалъ сигналъ: «Терплю бѣдствіе», хотя шелъ въ строй, но имѣлъ кренъ на правый бортъ. Съ самаго начала боя, приблизительно черезъ полчаса послѣ открытія огня, отъ японской эскадры отдѣлились «Касаги», «Читозе», «Нитака», «Тоусима», «Сума» и два крейсера типа «Мутсушима» съ намѣреніемъ обстрѣлять транспорты, среди которыхъ произошло замѣшательство, вслѣдствіе желанія уйти изъ-подъ перекрестнаго огня. Огонь японскихъ крейсеровъ былъ направленъ на транспорты и на «Свѣтлану», «Алмазь», «Ураль»; послѣдній получилъ подводную пробину, вышелъ изъ строя и началъ спускаться (требуныя) суда. «Свѣтлана» подошелъ и сдѣлалъ сигналъ транспорту «Корей» — «принять людей съ «Урала»; въ это время «Свѣтлана» получилъ также носовую подводную пробину и слѣлъ немного носомъ, но вступилъ въ свое мѣсто въ стрѣб и продолжалъ бой. На помощь транспортамъ нѣсколько разъ отдѣлялись «Дмитрій Донской», «Владимиръ Мономахъ», заставляя своимъ огнемъ непріятеля удалиться.

«Около 7-ми час. вечера эскадры находились приблизительно въ слѣдующемъ положеніи: наши броненосцы шли курсомъ, параллельнымъ непріятелю, и стрѣляли правымъ бортомъ, имѣя головнымъ «Бородино», на которомъ было замѣтно пламя и дымъ; влѣво

от броненосцев, немного расходящимся курсом, шли «Олеги», «Аврора», «Донской», «Мономах»; лѣвѣе ихъ шли транспорты безъ «Камчатки» и «Урала», сопровождаемые крейсерами «Свѣтлана», «Алмазъ»; еще лѣвѣе шли «Жемчугъ», «Изумрудъ», миноносцы. Особыхъ поврежденій или крена не было замѣтно, кромѣ «Свѣтланы», имѣвшей дифферентъ на носъ. Далеко слѣва и сзади показывались японскіе крейсера 2-го ранга и 3-го класса и отъ 30 до 60 миноносцевъ видѣлось по горизонту. Въ 7 час. 10 мин. вечера «Бородино» повернуло на правую сторону и пошелъ мѣнѣе, чѣмъ въ три минуты, ко дну. Передъ закатомъ солнца съ броненосца «Николай» былъ сигналъ: «курсъ нордъ-остъ 23»: этимъ курсомъ шли около получаса; впереди показалось 9 японскихъ истребителей.

«Броненосцы начали склоняться вправо, крейсера — влѣво, причемъ крейсера застопорили машины, слѣдуя движенію головной «Олеги». Наши броненосцы, продолжая стрѣлять по японскимъ броненосцамъ и истребителямъ, оказавшимся на флангахъ, повернули все вдругъ на 8 румбовъ влѣво, стараясь сблизиться съ отря-

и «Жемчугъ» за ихъ беззавѣтную честную службу въ тяжеломъ бою. Да угѣшить васъ всѣхъ сознание свято исполненнаго долга». **«НИКОЛАЙ».**

Владивостокъ. Командиру «Алмаза» флигель-адъютанту Чагину. «Отъ души благодарю васъ и поручаю вамъ передать Мою благодарность командирамъ, офицерамъ и командамъ «Изумруда», «Алмаза», «Грозного» и «Браваго» за самоотверженный тяжелый подвигъ въ несчастномъ для насъ бою. Да послужитъ вамъ всѣмъ сознание свято исполненнаго долга угѣшеніемъ въ тяжеломъ испытаніи, достигшемъ нашу Родину». **«НИКОЛАЙ».**

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій Цусимской катастрофы явились, какъ и слѣдовало ожидать, слухи и толки о мирѣ. Президентъ Рузвельтъ, уже и раньше пытавшійся взять на себя инициативу въ дѣлѣ мирнаго посредничества между обѣими враждующими державами, нынче выступилъ снова съ предложеніемъ такого посредничества. 26-го мая онъ черезъ дипломатическихъ представителей передать слѣдующую ноту русскому и японскому правительствамъ: «Президентъ чувствуетъ, что настало время,

Экипажъ миноносца „Бодрый“ во главѣ съ командиромъ капит. 2 ранга Ивановымъ 6-мъ. По фот. Квара, снятой въ Ревелѣ передъ отбытіемъ эскадры на Дальній Востокъ. авт. «Нивы».

домъ нашихъ крейсеровъ, изъ которыхъ «Олеги», подъ флагомъ адмирала Энквиста, «Аврора» и «Жемчугъ» продолжали идти на югъ, а прочіе вновь повернули на сѣверъ. Съ наступленіемъ темноты бой продолжался, причемъ японцы освѣщали насъ прожекторами, поставленными на истребителяхъ, такъ какъ на большихъ судахъ прожекторы вѣроятно были разбиты, подобно тому, какъ и у насъ. Первые минныя атаки японцевъ едва ли имѣли успѣхъ, такъ какъ до 10 час. вечера не было слышно взрывовъ. Весь бой происходилъ между островами Ики и Цусима».

Къ этимъ официальнымъ свѣдѣніямъ мы можемъ прибавить, что вице-адмиралъ Рожественскій находится въ Токио, въ морскомъ госпиталѣ, и, судя по заграничнымъ извѣстіямъ, здоровье его поправляется.

Вице-адмиралъ генералъ-адъютантъ Рожественскій, контръ-адмиралъ Энквистъ и командиръ «Алмаза», флигель-адъютантъ Чагинъ, удостоились получить нижеслѣдующія Высочайшія телеграммы:

Токио. Генералъ-адъютанту Рожественскому. «Отъ души благодарю васъ и всѣхъ тѣхъ чиновъ эскадры, которые честно исполнили свой долгъ въ бою, за самоотверженную ихъ службу Россіи и Мнѣ. Волею Всевышняго не суждено было увѣнчать вашъ подвигъ успѣхомъ, но беззавѣтнымъ мужествомъ вашимъ Отечество всегда будетъ гордиться. Желаю вамъ скораго выздоровленія, и да угѣшитъ васъ всѣхъ Господь». **«НИКОЛАЙ».**

Манила. Контръ-адмиралу Энквисту. «Сердечно благодарю васъ, командировъ, офицеровъ и команды крейсеровъ «Олеги», «Аврора»

когда въ интересахъ всего человѣчества слѣдуетъ попытаться положить конецъ страшному и прискорбному столкновенію между двумя державами. Соединенные Штаты связаны узми дружбы съ Японіей и Россією. Президентъ чувствуетъ, что всемірный прогрессъ задерживается войною между двумя великими народами, и хотѣлъ бы побудить русское и японское правительства, не только въ ихъ собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ всего цивилизованнаго мира, начать непосредственные переговоры другъ съ другомъ. Президентъ изъявляетъ свою готовность сдѣлать все, что окажется въ его силахъ, если только обѣ державы полагаютъ, что его услуги могутъ принести пользу, хотя бы въ смыслѣ устройства свиданія между представителями Россіи и Японіи. Но если предварительныя подробности для назначенія этого свиданія будутъ установлены непосредственно между обѣими державами или какимъ-нибудь другимъ путемъ, то президентъ ничего кромѣ чувства удовлетворенія не испытаетъ, такъ какъ единственная его цѣль заключается въ томъ, чтобы добиться такого свиданія; весь цивилизованный міръ будетъ молиться о томъ, чтобы оно привело къ окончанію войны».

Обѣ воюющихъ державы отнеслись къ предложенію Рузвельта благосклонно. По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Токио, японское правительство дало слѣдующій отвѣтъ на предложеніе президента Рузвельта:

«Желая, какъ въ интересахъ всего міра, такъ и въ интересахъ Японіи, возстановленія мира съ Россією на условіяхъ, которыя

вполнѣ гарантировали бы его прочность, императорское правительство согласно на предложение президента Рузвельта назначить уполномоченных для встрѣчи съ русскими уполномоченными въ срокъ и въ мѣстѣ, какіе по взаимному соглашенію будутъ признаны удобными, для обсуждения условий мира и окончательнаго заключенія мира непосредственно и исключительно между воюющими сторонами».

Въ томъ же духѣ высказалось и наше правительство: правительство сообщеніе иностранныхъ дѣлъ, опубликованное 1-го іюня, гласитъ слѣдующее:

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ поручилъ своему послу въ Петербургѣ испросить частную аудиенцію для того, чтобы довести непосредственно до Его Величества удостовѣреніе чувствъ неизмѣнной дружбы Соединенныхъ Штатовъ къ Россіи и выраженія личнаго желанія Рузвельта содѣйствовать, насколько возможно, въ интересахъ всего міра къ прекращенію военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востоцѣ. Послу было поручено присовокупить, что президентъ одновременно дѣлалъ подобныя же предложенія японскому правительству. Государю Императору благоугодно было принять 25-го мая г. фонъ-Мейера и благосклонно отнестись къ инициативѣ г. Рузвельта, которая, впрочемъ, была встрѣчена съ полной симпатіей также дружественными Россіи державами. Убѣдившись, что Японія расположена въ равной мѣрѣ принять предложеніе его, президентъ передалъ черезъ американскихъ дипломатическихъ представителей въ Петербургѣ и Токио императорскому русскому правительству, равно какъ и правительству микадо, официальное по сему предмету сообщеніе, опубликованное затѣмъ въ Вашингтонѣ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе министръ иностранныхъ дѣлъ по Высочайшему повелѣнію уведомилъ американскаго посла нотою, отъ 30-го мая, что Государь Императоръ, вполнѣ сочувствуя побужденіямъ президента, желаетъ видѣть въ нихъ новое выраженіе традиціонной дружбы, связующей Россію съ Соединенными Штатами, равно какъ доказательство важности, придаваемой г. Рузвельтомъ, вполнѣ согласно видамъ Его Императорскаго Величества, всеобщему умиротворенію, столь необходимому для блага и прогресса всего человѣчества. Что касается возможнаго свиданія русскихъ и японскихъ уполномоченныхъ, которымъ поручено об-

судить, насколько обѣимъ державамъ было бы возможно выработать условия мира, Императорское правительство въ принципѣ ничего не могло бы возразить противъ подобной попытки, если бы японское правительство выразило подобное желаніе».

Такимъ образомъ, благодаря посредничеству президента С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, сдѣланъ первый шагъ къ мирнымъ переговорамъ.

Бракосочетаніе германскаго наслѣднаго принца.

(Портр. на этой стр.).

Августѣйшіе новобрачные Ихъ Императорскія Высочества Германскій Наслѣдный принцъ Вильгельмъ и принцесса Мекленбургъ-Шверинская Цецилія.

Германскій царствующій домъ, а съ нимъ вмѣстѣ и весь германскій народъ отпраздновали знаменательное событіе: наслѣдникъ германскаго престола, кронпринцъ Вильгельмъ, сочетался бракомъ съ герцогиней Мекленбургъ-Шверинской Цециліей.

Бракосочетаніе состоялось въ Берлинѣ 24 мая.

Въ этотъ день, около 4-хъ часовъ пополудни, въ торжественной церемоніи императрица возложила герцогинѣ-невестѣ на голову корону. Вслѣдъ за тѣмъ министръ двора Вевель совершилъ гражданское бракосочетаніе, а послѣ того брачный кортежъ при огромномъ стеченіи народа направился къ капеллѣ для совершенія религіознаго обряда. Свадебныя торжества завершились въ этотъ день обѣдомъ и факельнымъ баломъ въ Бѣломъ Залѣ императорскаго дворца.

Германскій кронпринцъ Вильгельмъ родился въ 1882 г.; Кронпринцъ получилъ блестящее образованіе; какъ извѣстно, кронпринцъ прошелъ курсъ въ боннскомъ университетѣ по юридическому факультету. При этомъ пребываніе его въ средѣ студентовъ, въ корпорациі «Боруссія», сблизило его съ интересами и жизнью его будущихъ подданныхъ и хорошо познакомило съ настоящею жизнью «по ту сторону

дворца», что такъ важно для правителя.

Молодая супруга кронпринца, по своему августѣйшему родителю, покойному великому герцогу Фридриху-Францу III, происходитъ изъ стариннаго германскаго правящаго дома, а по своей августѣйшей матери, великой герцогинѣ Анастасіи Михайловнѣ, приходится сродни русскому царствующему Дому. Принцесса родилась въ 1886 году. Принцесса Цецилія воспитывалась подъ непосредственнымъ руководствомъ своей матери; превосходно знаетъ нѣсколько языковъ и между прочимъ свободно читаетъ и говоритъ по-русски.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разорочки подписной платы за „Ниву“ сего 1905 г., къ 1 іюня слѣдовало внести **не менѣе 6 руб.**, а гг. новымъ подписчикамъ, выписавшимъ и первый 20 книгъ соч. А. К. Шеллера-Михайлова, — **не менѣе 9 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ повтому озаботиться **немедленно присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 27 номера (отъ 9 іюля)**. При высылкѣ денегъ гг. инородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ №. печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Волченковъ. Повесть, п. П. Гнѣдича. (Продолженіе). — На войнѣ. (Отъ нашего спеціальнаго корреспондента). — Возмѣщеніе военныхъ убытковъ китайцамъ. — Въ санитарномъ поѣздѣ. — Къ толкамъ о мирѣ. (Политическое обозрѣніе). — Ясновидающая. — Иллюстрація къ „Мѣдному Всаднику“. — Усовершенствованная митральеза. — Цусимскій бой и мирныя вѣсти. — Бракосочетаніе германскаго наслѣднаго принца. — Заявленіе. — Объявленія. Р И С У Н К И: Утки. — Большая дорога. — Ясновидающая. — Люблю воинственную живость потѣшныхъ марсовъхъ полей. — Отступившія изъ Мукдена части войскъ въ Телинѣ на площади передъ станціей. (2 рис.). — Отступившія войска въ Телинѣ на линіи. — Западная коммиссія по возмѣщенію убытковъ китайскому населенію при Россійскомъ военномъ комиссарѣ. — На родномъ пепелищѣ. — Личный составъ санитарнаго поѣзда Краснаго Креста № 11. — Личный составъ 54 сибир. военно-санит. поѣзда, сформированнаго въ г. Киевѣ. — Лазаретъ русскихъ женщинъ для раненыхъ воиновъ. — Группа офицеровъ 24 восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка во главѣ съ командиромъ, флигель-адъютантомъ полковникомъ П. А. Лещицкимъ (1). — Усовершенствованная митральеза. 1) Ружье Рексера, приготовленное къ стрѣльбѣ. 2) Валеристъ, вооруженный ружьемъ Рексера, и лошадь, навьюченная патронами къ этому ружью. — Капитанъ С. Э. Соболевскій. — Штабъ-капитанъ П. А. Шелюковъ. — Поручикъ С. Н. Гудковъ 1. — Подпоручикъ П. В. Даниловскій 1. — Подпоручикъ А. Юзефовичъ. — Лейтенантъ П. Г. Веселаго. — Техникъ В. С. Тетрино-Паличукъ. — Подполковникъ Д. І. Грендалъ. — Подполковникъ А. К. Бринкъ. — Капитанъ Д. В. Трофименко. — Капитанъ Ѳ. А. Новаковъ. — Штабъ-капитанъ Б. Г. Городицкій. — Штабъ-капитанъ К. И. Давыдовъ. — Шт.-капит. А. И. Януить. — Шт.-кап. Л. Н. Сатурновъ. — Капитанъ З. Н. Артемьевъ. — Поручикъ П. М. Марковъ. — Поручикъ А. В. Владимировъ. — Поручикъ Ѳ. И. Тихоновъ. — Подпоручикъ П. П. Тереховъ. — Подпоручикъ В. Э. Томме. — Подпоручикъ А. Б. Семеновъ. — Подпоручикъ Н. Н. Хохольковъ. — Подпоручикъ М. Н. Самарновъ. — Подпоручикъ Н. Ѳ. Горюховъ. — Подпоручикъ Н. Н. Гудковъ. — Подпоручикъ П. П. Парскій. — Прапорщикъ Б. В. Вярвильскій. — Миноносецъ „Бѣдовый“. — Миноносецъ „Грозный“, пробившійся во Владивостокъ. — Миноносецъ „Бравый“, пробившійся во Владивостокъ. — Группа офицеровъ пробившагося во Владивостокъ крейсера „Алмазь“ во главѣ съ командиромъ крейсера флигель-адъютантомъ Чагинымъ и адмираломъ Энгистомъ. — Экипажъ миноносца „Бодрый“ во главѣ съ командиромъ капит. 2 ранга Ивановымъ 6-мъ. — Августѣйшіе новобрачные Ихъ Императорскія Высочества Германскій Наслѣдный принцъ Вильгельмъ и принцесса Мекленбургъ-Шверинская Цецилія. Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 33.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Маркесъ.

Редакторъ В. и. Свѣтловъ.

